

ИСТОРИЯ,
КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

ПОСОХ ЦАРЯ МОСКОВИИ

ВИТАЛИЙ
ГЛАДКИЙ

История, которой не было

Виталий Гладкий
Посох царя Московии

«ВЕЧЕ»

2015

Гладкий В. Д.

Посох царя Московии / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2015 — (История, которой не было)

Легенды говорят, что аликорн – рог единорога – в присутствии яда запотевают и меняют цвет. А если кусочек рога опустить в яд, то аликорн вспенит и нейтрализует отраву. Царь Иван Грозный (1530–1584) также пожелал приобрести аликорн. Единорог стал личной эмблемой царя, его изображение появилось на малой государственной печати. Однако аликорн Ивана Грозного оказался фальшивым. Посох из рога единорога не только не спас, но, весьма вероятно, сам стал причиной преждевременной кончины царя. Новый роман известного писателя Виталия Гладкого приоткрывает завесу тайны над загадочной и ужасной смертью одного из самых мрачных правителей Руси!

© Гладкий В. Д., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Заговор	10
Глава 2. Таинственная незнакомка	24
Глава 3. Генрих Штаден	33
Глава 4. Дарья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виталий Гладкий

Посох царя Московии

«...Зверь, подобен есть коню, страшен и непобедим, промеж ушью имать рог велик, тело его медяно, в роге имать всю силу. И внегда гоним, возбегнет на высоту и ввержет себя долу, без накосты пребывает. Подружия себе не имать, живет 532 лета. И егда скидает свой рог вскрай моря и от него возрастает червь; а от того бывает зверь единорог. А старый зверь без рога бывает не силен, сиротеет и умирает».
«Азбуковник», XVI век

Пролог

Казалось, что в этой части джунглей никогда не ступала нога человека. Но охотник Бходжи был чересчур опытен, чтобы поддаться самообману. Держа оружие наготове, он скользил, как тень, среди огромных деревьев, перевитых лианами. Бходжи знал, что в любой момент может столкнуться с охотниками племени кирата, которые страшнее тигра-людоеда и для которых его голова будет не менее ценным трофеем, нежели большая четырехрогая антилопа.

Вообще-то охотника звали не просто Бходжи, а Бходжи-Рожденный-Красной-Луной-Который-Всегда-Приносит-Добычу. Он был молод, и его полное имя считалось совсем коротким, в отличие, например, от имен старейшин племени или жрецов. Но имя каждого соплеменника содержало слово «бходжи», потому что так называлось племя, к которому принадлежал охотник.

Наконец звериная тропа, по которой пробирался Бходжи, начала подниматься вверх и джунгли как бы расступились. Здесь и деревья были пониже, и росли они не так густо, а лианы стали совсем тонкими и свисали с деревьев не прочными канатами, а нечастой бахромой. Когда появились заросли кимшука¹ обсыпанные большими красными цветами, охотник облегченно вздохнул – это было то место, куда он стремился. Бходжи знал, что зверь, за которым он охотится, обожает цветы этого дерева. Чтобы не уходить далеко от «пастбища», обычно очень осторожный зверь даже устраивает на время цветения кимшука свои лежки в его зарослях.

Теперь Бходжи стал похож на охотничьего пса. Он не только прислушивался к каждому подозрительному шороху, не только замечал своими острыми, глубоко посаженными глазами малейшие изменения в окружающей обстановке, но еще и начал принюхиваться, глубоко втягивая в легкие напоенный весенними ароматами воздух джунглей.

Обоняние Бходжи и впрямь мало отличалось от звериного. Все его предки из джати², к которой он относился, были нишада – охотниками, добытчиками. За долгие века жизни среди девственной природы все их органы чувств обострились до предела. Поэтому нос Бходжи был первоклассным газоанализатором, способным не только улавливать огромное количество даже самых слабых запахов, но и классифицировать их.

Терпковато-мускусный запах гаура³ Джхаши он почуял сразу же. Но порадоваться не успел, потому что следующая волна запахов заставила охотника как можно быстрее искать спасения на ближайшем дереве. Гибкий и цепкий как сам предводитель обезьян Ришабха, он в

---

¹ Кимшука – ложный тик.

² Джати – каста (инд.).

³ Гаур – крупнейший представитель рода настоящих быков; достигает длины более 3 м, высота в плечах составляет около 2,2 м, а его вес может достигать до 1500 кг.

мгновение ока вскарабкался повыше, уселся в удобной развилке и стал наблюдать за развитием захватывающих событий, которые происходили в зарослях тика.

Джхаши пасся в настоящем цветнике. На фоне красного цветочного ковра с зелеными листовыми узорами он казался огромным шмелем. Только гаур не пил нектар, а аккуратно обрывал соцветия и, прикрыв веки с длинными пушистыми ресницами, с видимым удовольствием жевал свое любимое лакомство.

С высоты своего насеста Бходжи восхищенно наблюдал за этим древним легендарным зверем. На горизонте синели крутые отроги Виндхья, или Виндийских гор; где-то там, в глубоких лесистых ущельях, практически недоступных человеку, скрывались реликтовые и малочисленные гауры Джхаши. Только весной, когда зацветал кимшука, они выходили из горных теснин в джунгли; и только в этот период у охотников была возможность добыть очень ценный трофей – завитый спиралью огромный прямой рог, торчавший посреди лба гаура Джхаши.

Будь на месте Бходжи ученый-натуралист, он признал бы в Джхаши животное, отдаленно похожее на ископаемого зубра *Bos Primogenitus*, воспоминания о котором восходят к «Септуагинте», переводу Библии на греческий язык, сделанному в III веке до новой эры по указанию египетского царя Птолемея II. Но охотнику такие мудрствования были ни к чему. Он знал лишь то, что зверя, сильнее гаура Джхаши, в джунглях нет. Своим огромным и очень острым рогом длиной больше двух хаста⁴, он мог убить даже слона.

Впрочем, гаур Джхаши и слон Хатхи были взаимовежливы и всегда уступали друг другу дорогу. Наверное, они понимали, что их схватка будет сродни самоубийству.

Предполагаемая добыча, за которой наблюдал охотник, оказалась молодым, но уже набравшим силу самцом. Его единственный, растущий посреди лба угольно-черный рог, острый конец которого был темно-красного цвета, казался тщательно отполированным. Бходжи на глаз определил, что длина гаура Джхаши была около четырнадцати хаста, а рост равнялся примерно шести хаста. Джхаши одновременно был похож на лошадь и быка – длинная, совсем не бычья шея, густая темная грива, аккуратные уши торчком и чересчур массивное, как для лошади, мускулистое туловище, а также короткий голый хвост с пышной кисточкой на конце. Его светло-серая, в едва заметных пятнышках, шерсть была короткой и лоснилась, словно гаура каждый день чистили скребком и щеткой.

Гаур казался неповоротливым, но охотник знал, что, когда нужно, зверь может бегать быстрее молодого жеребца. При этом Джхаши сметал все со своего пути. Однако длинные и мощные ноги гаура не имели копыт и были немного похожи на слоновьи.

Джхаши пасся и не подозревал, что к нему подкрадывается его злейший и, пожалуй, единственный враг (естественно, за исключением человека). Гаур настолько увлекся процессом поедания редкого цветочного лакомства, что совершенно забыл об осторожности, всегда присущей этому редкому зверю.

На Джхаши охотилась огромная кошка. Подбираясь к гауру, она передвигалась настолько медленно, что казалось стояла на одном месте. Кошка совершенно бесшумно скользила среди густых зарослей, просачиваясь между близко стоящими стволами словно большая водяная капля и неотвратимо приближаясь к ничего не подозревающему гауру Джхаши.

Это была странная помесь тигра и льва, каким-то чудом сохранившаяся с незапамятных времен в диких Виндийских горах, где никогда не ступала нога человека. Его почти черная грива была короче, чем у царя зверей, а на гибком теле, покрытом короткой шерстью песочного цвета, достаточно отчетливо просматривались светло-коричневые полосы (особенно на спине). Огромные клыки, выглядывающие из пасти тигрольва, могли в мгновение ока перегрызть ногу буйвола – как сухую ветку.

---

⁴ Хаста (локоть) – 45,7 см (инд.).

Зверь, который охотился на гаура Джхаши, скорее всего был дальним родственником пещерного льва. Это понятие не было известно Бходже, но он точно знал, что почуяв запах Пишача⁵ – так называли тигрольва соплеменники охотника, – все звери джунглей (в том числе тигры и даже слоны) в ужасе бежали куда глаза глядят.

Наверное, имя зверя не совсем соответствовало действительности. Возможно, в голодные дни Пишача и питался падалью, но Бходжи точно знал, что тигролев предпочитает живых антилоп и буйволов-гайялов. Однако самой желанной добычей Пишача считал гаура Джхашу. Возможно, в древние времена он был обычной пищей тигрольвов, и большая приверженность к мясу гаура была у Пишача на подсознательном уровне.

Гаур Джхаши опоздал с защитой на долю секунды. Полосатая молния тигрольва ударила в его самое уязвимое место – горло. И все же гаур успел дернуться, и клыки Пишача вонзились не в глотку, а немного ниже. Джхаши издал пронзительный крик, в котором смешались ярость и боль, и началась захватывающая борьба не на жизнь, а на смерть.

Бходжи много чего повидал на своем, пока еще не очень длинном веку. Однажды он даже подсмотрел, как слоны расправляются с тигром, дерзнувшим напасть на слоненка. Когда буйство огромных животных закончилось, от полосатого хищника осталось лишь мокрое место. Но такой схватки диких зверей ему никогда не приходилось видеть.

Пишача держался из последних сил. Он висел на гауре, который метался среди деревьев как ураган, превращая в щепки тонкие стволы кимшука. Древесные сколы больно ранили тигрольва, но он не отпускал Джхашу, потому как знал, что тогда ему придет быстрый конец.

Спустя какое-то время гаур начал слабеть от потери крови. Его движения уже были не такими сильными и резкими; в какой-то момент он упал на колени, чем тут же не преминул воспользоваться Пишача. Он на мгновение разомкнул свои мощные челюсти с намерением добраться до горла гаура, которое находилось так близко, и это было его большой ошибкой.

Джхаши словно выстрелил вверх и встал на прямые ноги. Тигролев как-то неуклюже попытался отскочить в сторону, но уже было поздно – рог гаура проткнул его насквозь, как острога рыбака протыкает большую рыбину. Хриплый рев Пишача потряс джунгли, которые тут же пришли в движение. Звери бросились бежать, словно начался сухой сезон и в джунглях забушевал пожар...

Гаур бросил тигрольва на землю и начал на нем топтаться. Но это продолжалось недолго. Скоро силы совсем покинули лесного гиганта и он, зашатавшись, рухнул рядом с безжизненным телом своего врага. Бходжи не мог поверить своей удаче. Такая знатная добыча и так легко ему досталась! Если он принесет в селение племени не только рог Джхаши, но еще и шкуру, а также клыки Пишачи, его имя станет легендой!

Немного подождав – пока гаур не перестал биться в конвульсиях, – охотник быстро спустился на землю и, держа наготове лук, приблизился к поверженным зверям. Этот лук был особым. Бходжи изготовил его специально для охоты на Джхашу. Он знал, что для гаура отравленные стрелы не представляют никакой опасности. Поэтому зверя нужно было целить в сердце. А чтобы пробить толстую шкуру гаура, требовались очень сильный лук и большие стрелы, похожие на дротики.

Если поставить лук на землю, то он доставал Бходжи до подбородка; а охотник был ростом около четырех с половиной хаста. (В его племени все были высокими.) Бходжи изготовил лук из рогов дикого гайяла, а наконечники стрел, похожие на листья фикуса, ему ковал лучший кузнец джати. Примерно такая же стрела, выпущенная из подобного лука во время штурма индийской крепости, пробила доспех самого Александра Македонского.

---

⁵ Пишачи – демоны – пожиратели трупов (*инд.*).

Гаур Джашу был еще жив, но уже на последнем издыхании. Он смотрел своими огромными фиолетовыми глазищами на охотника... и плакал! Наверное, от бессилья. А может от того, что знал – ему уже никогда не вернуться к родным лежкам в Виндийских горах.

Бходжи опустил лук и нахмурился. Его охотничий азарт куда-то пропал, а на душу словно лег тяжелый камень. Ему было очень жалко гаура. Если б не строгий наказ главного жреца племени и старейшин, он никогда не осмелился бы охотиться на Джашу. Охотника утешало лишь одно – то, что он фактически не виновен в смерти зверя...

Бходжи сидел на помосте, застеленном циновками, и неотрывно наблюдал за высоким керамическим кувшином. На его голой мускулистой груди висело ожерелье из клыков тигрольва. Рядом с ним сидели старейшины племени и жрецы. Их глаза тоже были прикованы к невзрачному глиняному сосуду, словно он был изготовлен из драгоценнейшего китайского фарфора и в нем плескалось то дорогое и восхитительно вкусное вино, что пьет сам раджа.

Все ждали, когда закончится испытание добытого Бходжей рога гаура Джаша. Рог поместили в кувшин, бросили туда с десятка живых скорпионов и плотно закрыли сосуд крышкой. Жрецы тихо бормотали заклинания, а глава старейшин ерзал от нетерпения, предвкушая, сколько золота отвалит ему за этот бесценный рог туранский купец, прибытие которого в селение ожидалось со дня на день.

Наконец главный жрец племени, высокий костистый старик с седой бородой до пояса, поднялся, в торжественной тишине снял с кувшина крышку, осторожно вынул из него рог (который младшие жрецы тут же бережно положили на сафьяновую подушечку) и вытряхнул из сосуда скорпионов. Все затаили дыхание и уставились на ядовитых насекомых. Они были неподвижны. Для верности жрец потрогал их палочкой, но скорпионы по-прежнему не подавали никаких признаков жизни.

И тогда раздался общий вздох облегчения. Все вдруг радостно заговорили, задвигались, затем встали и начали благожелательно похлопывать по плечу сияющего Бходжу-Рожденного-Красной-Луной-Который-Всегда-Приносит-Добычу.

Охотник был на седьмом небе от счастья. Испытания показало, что Джаша уже вошел в пору зрелости и рог гаура обладает своим главным и самым ценным качеством – предохраняет его владельца от ядов. Испарения от рога не только нейтрализовали яд скорпионов, но и убили насекомых...

* * *

По Большому шелковому пути шел караван весьма предприимчивого туранского купца Афросиаба. Это был наиболее протяженный участок пути, который проходил через территории Центральной Азии. Караваны, груженные шелком и фарфором из Китая, пряностями и самоцветами из Индии, серебряными изделиями из Ирана, керамикой и многими другими товарами, шли по пустыням Каракумы и Кызылкум, через оазисы Мерва и Хорезма, по безбрежным степям Сары Арки, одолевали перевалы Памира, Тянь-Шаня, Алтая, переправлялись через реки Мургаб, Амударью и Сырдарью. Большой шелковый путь словно на длинную нить нанизывал города Мерв, Бухару, Самарканд, Ургенч, Хиву, Отрар, Джуль, Суяб, Новокент, Баласагун, Борскоон, Таш-Рабат, Ош, Узген...

Это был очень длинный путь, и редко какой купец мог пройти его туда и обратно без смертельного риска для своей жизни. Многим вообще хватало одного раза, за что они потом долго возносили благодарственные молитвы своим богам-покровителям. И только удачливый и смелый Афросиаб регулярно – раз в два года – водил караваны в Индию на протяжении шестнадцати лет.

Купцу уже перевалило за сорок, но в отличие от многих своих товарищей по ремеслу, фигуры которых напоминали курдюк с бараньим жиром, он был худощавый, живой и подвиж-

ный. Вместо того чтобы трястись на мягких подушках в паланкине, установленном на самом выносливом верблюде, Афросиаб предпочел доброго быстрого жеребца, способного унести его от любой погони.

Эта предосторожность была далеко не лишней. Вдруг разбойники узнают, что он держит в тщательно притороченном к седлу пенале из бамбуковых дощечек... Афросиаб нервно вздрогнул и вознес молитвы всем богам, которых знал. А затем мечтательно сощурился: если он доведет рог гаура Джхаша (или аликорн, как его называют европейцы) в целости и сохранности домой, то получит от ганзейских купцов столько денег, что хватит и ему, и его многочисленному потомству до скончания века.

Тогда можно будет поручить водить караваны в Китай старшему сыну Джамшиду, а сам он займется розничной торговлей в лавке на базаре, чтобы в любой момент можно было предаться усадкам в обществе прекрасных юных гурий. Представив этот момент, Афросиаб покраснел, словно его обдало жаром, и в очередной раз вздрогнул – но уже от вожделения.

Где-то впереди каравана загудел карнай⁶. Это караван-баши Бахрам подавал сигнал, что пора останавливаться на ночлег. Афросиаб посмотрел на пламенеющий закат и тяжело вздохнул: «О, боги! Вы так не постоянны в своих милостях к нам, смертным... Кто знает, что ждет меня впереди. Если доберусь домой в целости и сохранности, клянусь, что в вашу честь сделаю гекатомбу⁷».

На гористую местность, по которой шел караван, опускались сумерки...

---

⁶ Карнай – духовой музыкальный инструмент; труба из латуни с прямым, реже с коленчатым стволом и большим колоколообразным раструбом. Общая длина около 3 м. Звук мощный, низкий. В прошлом К. был распространен в Средней Азии и Иране как военный (сигнальный) инструмент. Применялся также во время парадных выездов ханов и военачальников. Входил в ансамбли бродячих музыкантов.

⁷ Гекатомба – в Древней Греции жертвоприношение из 100 быков; впоследствии Г. называлось всякое значительное общественное жертвоприношение.

Глава 1. Заговор

Сэр Уильям Сесил, государственный секретарь и основатель тайной службы королевы Англии Елизаветы I, был сильно озабочен. Его подняли с постели среди ночи, и теперь он, не выспавшийся, а от того злой, как тысяча чертей, трясся в скрипучей карете по скверным лондонским улицам, проклиная и паршивую сырую погоду, и свою служебную должность при дворе, и саму королеву-девственницу, которая, на удивление тех, кто привел Елизавету к власти, оказалась весьма деятельной и беспокойной.

То ли дело ее отец, король Генрих VIII... Сэр Уильям Сесил ностальгически вздохнул, вспомнив прежние времена. Король-сибарит и сам грешил напрапую, и на проделки своих придворных, в отличие от Елизаветы с ее пуританскими наклонностями, смотрел сквозь пальцы. А уж как обстоятельно он разбирался со своими недругами...

«К дьяволу воспоминания!» – мысленно воскликнул глава английской тайной службы. Действительно, предаваться воспоминаниям и впрямь было недосуг. Зачем он понадобился королеве в такое позднее время?! Сэр Сесил машинально погладил пухлую кожаную сумку, лежавшую на сиденье, – на всякий случай он захватил все самые важные и безотлагательные дела, которые могли интересовать королеву.

И тем не менее на душе у него было очень беспокойно. Похоже, случилось что-то из ряда вон выходящее. А он, глава королевской тайной службы, ничего об этом не знает!

Если это так, то ему ничего иного не останется, как немедленно уйти в отставку. Тем более что заменить его есть кем. Френсис Уолсингем – достойный кандидат. Несомненно, королева поддержит его кандидатуру, хотя бы потому, что Уолсингем – ее дальний родственник. Уолсингем находился в родстве (впрочем, весьма отдаленном) с Марией Болейн, старшей сестрой матери королевы, Анны Болейн. Королева благоволила к Уолсингему и даже прозвала его Мавром – талантливый юрист (он изучал право сначала в Кембридже, затем в Падуанском университете) был очень смуглым и черноволосым.

Елизавета прониклась к Уолсингему большим доверием после того, как он, став одним из помощников сэра Сесила, предотвратил покушение на королеву, подготавливаемое Гизами⁸. Уолсингему удалось завербовать некоего капитана Франсуа. Под этим псевдонимом скрывался Томазо Франсиотто, протестант из города Лукки, который сорок лет работал на французскую разведку. Он и передал Уолсингему список заговорщиков.

Карету сильно трянуло на очередном ухабе; глава тайной службы подпрыгнул на сиденье, больно ударился головой и в который раз выругался. После этого его мысли свернули в другое русло. А что, если ночной вызов к королеве связан с русским посланником Андреем Совиным? Он приехал в столицу Англии вместе с дьяком Семеном Савостьяновым и привез письмо от царя Московии⁹ Иоанна Васильевича. Вчера вечером посланник московитов был удостоен королевской аудиенции.

Возможно, весьма возможно... Сэр Сесил озабоченно нахмурился. Этот московит, этот неотесанный мужлан, варвар, очень настойчив. Он имеет наглость просить руки самой королевы Англии! Иоанн ведет переписку с Елизаветой начиная с октября 1562 года. Совин приехал в Лондон по этому поводу уже третий раз. А она все водит царя Московии за нос с помощью отписок, тексты которых составляют самые опытные и ушлые королевские крючкотворы.

---

⁸ Гизы – французский аристократический род, являвшийся боковой ветвью Лотарингского герцогского дома; в период Религиозных войн XVI в. Г. возглавляли католиков. Генрих Гиз (1550–1588) один из организаторов Варфоломеевской ночи (1572), глава Католической лиги (1576). Претендовал на королевский престол. Был убит по приказу Генриха III. С окончанием религиозных войн могущество дома Г. пало.

⁹ Московия – название Русского государства в иностранных источниках XVI–XVII вв.

Глава тайной службы, наморщив лоб, вспомнил текст одного из писем Иоанна Васильевича (память у сэра Сесила, несмотря на годы, по-прежнему оставалась отменной):

«Ради милосердия Бога нашего мы, великий государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси королевне Елизавете Английской, Французской, Ирландской и иных.

Некоторое время тому назад брат твой, король Эдуард, послал своих людей под предводительством Ричарда для каких-то надобностей по всем странам мира и писал ко всем королям и князьям и властителям и управителям. А на наше имя ни одного слова послано не было. И те люди твоего брата, Ричард с людьми своими, неизвестно каким образом, вольно или невольно, пристали к морской пристани у нашей крепости на Двине. И тут мы, как подобает государям христианским, милостиво оказали им честь, приняли их за государевыми парадными столами, к брату твоему отпустили...»

Сэр Сесил с удовлетворением ухмыльнулся. Ричард был агентом тайной королевской службы и с этого путешествия привез отличную карту укреплений московитов.

«...И после того как к нам приехал от твоего брата Ричард Ричардов¹⁰, мы послали к брату твоему своего посланника Осипа Григорьевича Непею. А купцам твоего брата и всем англичанам мы дали такую свободную жалованную грамоту, какую даже из наших купцов никто не получал, а надеялись за это на великую дружбу вашего брата и вас и на услуги от всех английских людей. В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался и на престол вступила сестра твоя Мария, а потом она вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с. честью и к нам отпустили, а дела с ним никакого не передали.

А в то время ваши английские купцы начали творить нашим купцам многие обманы и свои товары начали продавать дороже тот чего они стоят. А после этого стало нам известно, что и сестра твоя, королевна Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на королевство посадили тебя. Но мы и тут не учинили твоим купцам никаких притеснений и велели им торговать по-прежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, – хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, – таким грамотам ни в каких государствах не верят. У государей в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и поступали в соответствии с этими грамотами».

Лорд Дадли нахмурился. С печатями получилась неувязка. Не стоит дразнить русского медведя без нужды подобными мелочами.

«...И после этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина¹¹. И мы, надеясь, что он у тебя в милости, привели его к присяге, да и другого твоего купца Ральфа Иванова¹² – как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно великие тайные дела, желая с тобой дружбы. Тебе же следовало к нам прислать своего ближнего человека. А от тебя никакой ни посланник, ни посол к нам не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам другую свою жалованную грамоту; надеясь, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего».

---

¹⁰ Ричард Ричардов – Ричард Ченслор (Ченслер), английский мореплаватель, положивший начало торговым сношениям России с Англией. В 1553 г. английский король Эдуард VI отправил три корабля в Северный океан, под начальством Хуго Уиллоби и капитана Ченслора; разлученные бурей, два из них погибли у берегов Русской Лапландии, а Ченслор благополучно доплыл до Белого моря. 24 августа 1553 г. он вошёл в Двинский залив и пристал к берегу в бухте Св. Николая, где был тогда Николо-Корельский монастырь, а впоследствии основан город Северодвинск.

¹¹ Антон Янкин – Энтони Дженкинсон, первый официальный посол Англии в Москве (1566 г.). Кроме дипломатических, он обладал и прочими талантами. Так, в частности, Энтони Дженкинсон составил карту России, которая при его жизни была издана в Лондоне и называлась: «*Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio*».

¹² Ральф Иванов – Ральф Рюттер.

Уильям Сесил рассмеялся. Этот царь московитов так наивен... Это же надо – принять купца за официальное лицо, пусть и имеющее королевский торговый патент.

«...И после этого нам стало известно, что в Ругодив¹³ приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван¹⁴, с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашим посланникам, которые были к нему приставлены, говорил многие невежливые слова. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых о нашем государевом имени и нашем государстве говорится с презрением и написаны оскорбительные вести, будто в нашем царстве творятся недостойные дела. Но мы и тут отнеслись к нему милостиво – велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на те поручения, которые переданы с Антоном.

И после этого приехал от тебя к нам в Ругодив посланник Юрий Милдентов по торговым делам. И мы его велели спросить про Антона Янкина, был ли он у тебя и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону.

После этого нам стало известно, что к Двинской пристани прибыл от тебя посол Томас Рандольф, и мы милостиво послали к нему своего сына боярского и приказали ему быть приставом при после, а послу оказали великую честь. А приказали спросить его, нет ли с ним Антона; он же нашему сыну боярскому ничего не сказал и начал говорить о мужицких торговых делах; а Антон с ним не пришел.

Когда он приехал в наше государство, мы много раз ему указывали, чтобы он известил наших бояр о том, есть ли у него приказ от тебя о делах, о которых мы передали тебе с Антоном. Но посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили поговорить о тех делах. Наконец договорились, как следует эти дела устроить, написали грамоты и привесили к ним печати. Тебе же следовало таким же образом написать грамоты и прислать к нам послами достойных людей и с ними вместе прислать Антона Янкина. Прислать Антона мы просили потому, что хотели его расспросить, передал ли он тебе те слова, которые мы ему говорили, угодны ли тебе наши предложения и каковы твои о них намерения. И вместе с твоим послом послали своего посла Андрея Григорьевича Совина.

Ныне ты к нам отпустила нашего посла, а своего посла с ним ты к нам не послала. А наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол. Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без присяги и без обмена послами. А ты-то дело отложила в сторону, а вели переговоры с нашим послом твои бояре только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы – сэр Ульян Гарит¹⁵ да сэр Ульян Честер. Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства, поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица. А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.

И если уж так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те торговые мужики, которые пренебрегали нашими государскими головами и государственной честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не скудно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь ту грамоту, мы все равно не

---

¹³ Ругодив – Нарва.

¹⁴ Гудыван – Гудмен.

¹⁵ Ульян Гарит – Уильям Гаррард.

велим по ней ничего делать. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем».

Глава тайной королевской службы досадливо крикнул. Худо дело. Теперь английским торговым людям больше нет в Московии тех вольностей и привилегий, что были раньше. «Московская компания»¹⁶ вот-вот может пойти ко дну. Сие есть большая, непростительная оплошность сэра Кристофера Хаттона, который занимается этой проблемой. За такие промахи следует наказывать! Увы и ах, сэр Хаттон нынче в фаворе у Елизаветы, и его положение при дворе как никогда прочно...

Задумавшись, сэр Сесил не заметил, как карета наконец остановилась. И только тогда, когда слуга отворил дверку экипажа и сноровисто разложил ступеньки, лорд встрепенулся и, несмотря на свой возраст (ему уже минуло пятьдесят лет), по-юношески быстро опустился на изрядно отполированную колесами карет и подошвами сапог и туфель брусчатку.

Одна из фрейлин Елизаветы (сэр Сесил, весь в тревожном ожидании аудиенции, даже не заметил, кто это) впустила его в королевские покои и незаметно исчезла. Первый же взгляд, который глава тайной службы бросил на свою повелительницу, вынудил его принять смиренный вид. Елизавета Тюдор была взбешена. В таком состоянии сэр Сесил уже давно ее не видел – с той поры, как она узнала, что ее фаворит и друг детства Роберт Дадли, граф Лестер, сначала приударил, а затем и женился без королевского соизволения на фрейлине Летиции Ноллис.

Елизавета и в юности не блистала особой красотой (была хорошенькой, не более), а после того, как переболела оспой, и вовсе стала невзрачной на вид. С годами ее пышные ярко-рыжие волосы поблекли, стали редеть, и королеве приходилось носить парик. Но сейчас она встретила государственного секретаря в том виде, в котором собиралась отойти ко сну. То есть с растрепанной прической, без грима и в изрядно помятом белом атласном халате, расшитом золотыми нитями.

«Видели бы сейчас все эти наглые придворные парвеню¹⁷ предмет своих желаний и вздыханий...» – едко подумал сэр Сесил. Елизавета Тюдор, считающая себя писаной красавицей, была падка на лесть и ее всегда и везде – даже на охоте – сопровождали толпы льстецов, нередко низкого звания и происхождения.

Не ответив на приветствие сэра Сесила, королева в гневе швырнула перед ним на стол бумажный свиток.

По оттиску восковой печати, на которой были начертаны всего лишь три цифры – «007», государственный секретарь понял, что причиной столь позднего вызова в Уайтхолл¹⁸ было донесение доверенного лица Елизаветы, придворного астролога и секретного агента тайной службы Джона Ди¹⁹. Только он один из всех сотрудников сэра Уильяма Сесила имел право

¹⁶ «Московская компания» (Muscovy Trading Company) – основана в 1555 г.; до 1698 г. обладала монополией на торговлю с Россией, действовала до революции 1917 г. Начиная с 1567 г. через одного из руководителей компании (Энтони Дженкинсона) Иван Грозный вел переговоры о браке с английской королевой Елизаветой I. Брак обеспечивал царю возможность убежища в Англии в случае катастрофических последствий Ливонской войны. В 1646 г. купцы «Московской компании» были изгнаны из России; ее деятельность была восстановлена после реставрации на троне Карла II в 1660 г. Офис компании в Москве находился неподалеку от Кремля, на улице Варварка.

¹⁷ Парвеню – человек незнатного происхождения, добившийся доступа в аристократическую среду или быстро достигший высокого служебного положения, подражающий аристократам в своем поведении, манерах; выскочка (*фр.*).

¹⁸ Уайтхолл, Уайтхольский дворец (Palace of Whitehall) – был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 г., когда он сгорел. На момент пожара во дворце насчитывалось свыше полутора тысяч помещений, что делало его самым большим во всей Европе, если не в мире. В состав дворца входили дворы для игры в мяч и теннис, для петушиных боев и рыцарских турниров.

¹⁹ Джон Ди (1527–1609) – придворный астролог Елизаветы I, владелец самой большой библиотеки в Британской империи XVI в., математик, переводчик трудов Евклида, картограф, астроном, каббалист, архитектор, навигатор и, наконец, секретный агент Британской короны. Свои донесения королеве Джон Ди подписывал «007», и создатель Джеймса Бонда писатель Иэн Флеминг, похоже, был о том хорошо осведомлен.

обращаться к королеве через голову своего начальника. В данный момент Джон Ди находился с тайной миссией в Италии.

Сэр Сесил, опытный придворный и дипломат, изобразил всем своим видом предельную степень почтения и внимания, но не проронил ни слова. Он понял, что сейчас разразится буря, ураган, неистовый шторм, поэтому будет благоразумней опустить все свои паруса красноречия и рассудительности и спуститься в безопасный трюм терпеливого ожидания, чтобы подождать, пока королева не выдохнется.

Глава тайной службы не ошибся. Королева начала кричать и ругаться словно пьяный коучмен-хэрни²⁰. Ее бледное лицо покрылось красными пятнами, а глаза сверкали как у разъяренной пантеры. Сэр Сесил терпеливо и безмолвно ждал.

– Тело Господне!.. – Елизавета наконец закончила свой длинный и весьма неприличный монолог. – Этот узколобый фанатик, папа Пий V, смеет мне угрожать! – Она артистично всплеснула руками и без сил упала в кресло с высокой прямой спинкой.

– Кгм!.. М-да... – подал голос и сэр Сесил; он покосился на свиток и опасливо отступил на шаг от стола, словно там лежало не донесение секретного агента, а ядовитая змея.

– Ознакомьтесь с донесением... – Голос королевы был слаб и бесцветен. – Это копия текста папской буллы.

Немного поколебавшись, государственный секретарь взял бумагу и, внимательно, обдумывая каждую фразу, начал читать:

«...Мы объявляем указанную Елизавету еретичкой и подстрекательницей еретиков, и те, кто является ее приверженцами, также осуждаются и отделяются от христианского мира... Мы лишаем указанную королеву ее мнимых прав на королевство и всех остальных прав... Мы запрещаем всем и каждому из ее дворян повиновение ее властям, ее приказам или ее законам».

– И все же, эту буллу никто так и не осмелился мне вручить, хотя издана она давно, в начале года. Никто! – В голосе королевы неожиданно прорезались торжествующие нотки. – А что вы на это скажете? – Елизавета, опершись на левую руку, смотрела на сэра Сесила исподлобья каким-то странным взглядом.

– Такие вещи нельзя оставлять без должного ответа! – жестко ответил глава тайной службы. – Очень жесткого ответа!

Иногда ему начинало казаться, что он может читать потаенные мысли Елизаветы. Со временем королева стала очень мстительной и ее враги долго на белом свете не заживались.

И тем не менее в этот момент сэр Сесил подумал, что борьба с папским престолом вряд ли закончится победой Елизаветы. Этот враг был чересчур силен и коварен, у него много союзников по всей Европе.

Что касается самого Пия V, бывшего доминиканского монаха, а затем инквизитора, то умом он точно не обижен. Чего стоит один его замысел создать Священную антитурецкую лигу, членами которой стали Испания и Венецианская республика. И, похоже, дело у старого аскета идет на лад – Армада Лиги, пожалуй, будет посильнее английского флота. А уж турецкого – тем более. Султану Селиму с Лигой точно не совладать. Но что будет, если под влиянием папы Лига из антитурецкой станет антианглийской?

Нет, с папой и впрямь нужно что-то решать! Вон недавно католики подняли восстание на севере Англии. Здесь явно не обошлось без подстрекательства со стороны папской агентуры. Пришлось для усмирения восставших посылать войска. Все обошлось как нельзя лучше, но кто знает, какие беды и потрясения откликнутся для Англии эхом от этой буллы.

---

²⁰ Коучмен-хэрни – извозчик (*англ.*); поначалу частный извоз в Англии осуществлялся на четырехколесных экипажах, которые назывались Х. (*hackney* – «разъездная лошадь», *англ.*). Более маневренная двухколесная повозка, получившая название кабриолет (сокращенно кэб), появилась в конце XVIII – начале XIX вв. Во времена Елизаветы I частный извоз только зарождался и нравы коучменов, выходцев из низов, не отличались мягкостью.

– Вы угадали мою мысль, мой верный Уильям... – Королева резко встала; ее лицо в один миг превратилось в маску величия коронованной персоны. – Никто не может безнаказанно наносить оскорбления королеве Англии. Никто! Даже сам папа.

– Я понял, ваше величество. – Глава тайной службы поклонился. – Мы подумаем над этим вопросом... – добавил он осторожно. – Разрешите удалиться?

Сэр Сесил попросил разрешения удалиться лишь для проформы. Он понял, что Елизавету гложет еще что-то. На столе лежал клочок бумажки, испещренный мелким убористым почерком королевы. Такие пометки она делала для того, чтобы важные, безотлагательные дела всегда были у нее перед глазами, на контроле.

– Нет! – Королева уже совершенно успокоилась, и по ее остро блеснувшим глазам, прервавшимся в щелки, сэр Сесил понял, что она вынашивает очередной коварный план, от которого ее врагам не поздоровится. – Мне нужно с вами посоветоваться.

Сэр Сесил послушно кивнул и, повинуясь знаку королевы, сел.

– У меня из головы не выходит царь московитов Иоанн Васильевич, – ровным голосом сказала Елизавета. – Настырность этого грубого и неотесанного варвара, уже который год домогающегося моей руки, выходит за все разумные пределы. Я ни с кем не собираюсь делить трон!

В свое время Парламент и Тайный совет призывали – даже умоляли – Елизавету выйти замуж и произвести на свет наследника престола; сановники были согласны даже на ее союз с Робертом Дадли, которого презирали и считали безродным выскочкой. Но королева уже окончательно утвердилась в своем нежелании быть игрушкой в руках мужчины; она страстно любила Дадли платонической любовью, но не до такой степени, чтобы разделить с ним свою власть.

Об этом она официально не заявляла, но однажды в порыве откровенности Елизавета сказала сэру Сесилу: «Я бы предпочла быть одинокой нищенкой, чем замужней королевой». Ее любимой отговоркой была фраза: «Я замужем за Англией».

– Вчера я перечитала путевые записки покойного кормчего Ричарда Ченслера о государстве Российском, – между тем продолжала королева. – Называются они «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском». Вы знакомы с этим трудом?

– В общих чертах, – вынужден был признаться сэр Сесил. – Мне докладывали. Как-то не было свободного времени...

– Так прочитайте! – рассердилась Елизавета. – Весьма любопытное и познавательное чтение. Хочу привести вам одну выдержку из труда Ченслера... – Она взяла со стола невзрачную книжицу в матерчатом переплете и раскрыла ее на нужной странице. – «Я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские; никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды – это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около костра. Так поступает большинство воинов великого князя за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая жизнь русского солдата в поле не столь удивительна, как его выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно изумления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и тому подобное, стоит в открытом холодном поле без крова, и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли пробыть с ними в поле хотя бы только месяц? Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн. Если бы в землях русского государя нашлись люди, способные растолковать ему то, что сказано выше, я убеж-

ден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней и малые расходы, которые причиняют ему войны, ибо он не платит жалованья никому, кроме иностранцев». Что вы на это скажете?

– У кормчего Ченслера был несомненный талант к сочинительству... – осторожно ответил сэра Сесил.

– Тело Господне! Неужели вы так ничего и не поняли?!

– Понял лишь то, что русский солдат стоек и вынослив. Но это не новость. Варвары всегда отличались неприхотливостью в быту, одежде, еде и храбростью в бою. Однако надолго их не хватает. У британских солдат отменная выучка, они упорны, терпеливы, да и смелости им не занимать. Поэтому мы всегда побеждаем.

– Будем честны хотя бы друг с другом – побеждаем, но не всегда.

– Да, ваше величество, это так, – неохотно сознался сэра Сесил. – Но простите меня – причем тут Ченслер?

– Не заставляйте меня думать, сэра Сесил, что ваш ответственный пост стал вам в тягость! – сердито сказала королева. – При всей своей несомненной опытности в государственных делах и остроте ума вы никак не можете отыскать среди плевел зерно истины. Наверное, вы просто плохо отдохнули, не выспались как следует... по моей, кстати, вине. Ладно, тогда я расскажу вам свое видение отношений Англии с Московией. Не секрет, что мы заинтересованы исключительно в торговле между двумя странами. Не более того. Энтони Дженкинсон, агент Московской компании, совершил уже четыре поездки в Московию по торговым и дипломатическим делам. Иоанн Васильевич попросил у нас через Дженкинсона разрешение нанять в Англии архитекторов, чтобы они строили крепости, башни и дворцы, доктора, химика, аптекаря, мастеров золотых и серебряных дел и других ремесленников. Со своей стороны Иоанн Васильевич гарантировал английским мастерам соответствующее вознаграждение, свободный въезд и выезд из России по первому их желанию. Разрешение такое мы дали. Однако царь московитов видит и другие преимущества нашего сотрудничества, скорее политического плана. В частности, он хочет заключить стратегический союз против Дании и Швеции. Как вам это?

– Но, ваше величество, царя московитов в какой-то мере понять можно. Шведские и польские каперы постоянно грабят русские суда, покидающие Нарву. Думаю, что не без подсказки своих государей...

– А нам-то какое до этого дело? Английские торговые суда каперы не трогают. А если иногда и случаются потери, то через неопытность и нерасторопность наших капитанов и кормчих.

– Согласен, ваше величество. Действительно, мы не готовы заключить большой договор с Московией, – охотно согласился повеселевший сэра Сесил, который понял, откуда дует ветер.

– Дело не в договоре. Дело в долгосрочной перспективе наших отношений с Россией²¹...

Сэра Сесил посерьезнел. Он знал, что под рыжими кудряшками, скрывающими высокий лоб Елизаветы, таится недюжинный, почти мужской ум. Жестокий и коварный ум (хотя королева и не очень афишировала свои наклонности и многие считали ее слабовольной; но сэра Сесила трудно было провести). Она часто предлагала на суд Тайного совета весьма разумные вещи. Похоже, и сейчас королева решила озадачить своего личного секретаря и начальника тайной королевской службы очередной интригой.

– Хочу еще раз перечитать вам абзац из сочинения Ченслера, – продолжала королева. – «Если бы в землях русского государя нашлись люди, способные растолковать ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость

---

²¹ Россия – так в XVI–XVII веках в Западной Европе называли Россию, а в просторечье – Московией.

его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней, и малые расходы, которые причиняют ему войны...» В этих словах состоит вся соль сочинения. Мы не можем оставаться в стороне и спокойно наблюдать за тем, как на морозных равнинах варварской России вырастает погибель для Англии и всего цивилизованного мира.

– Не можем, – подтвердил сэра Сесил.

– В свете всего этого, нам стоит хорошо подумать, как сделать так, чтобы Россия никогда не поднялась с колен. Подчеркиваю – НИКОГДА! Мы будем торговать с москвитями – это нам очень выгодно, вовлекать в совместные действия против неприятелей Англии, посылать к ним наших мастеров, и даже вооружать, тем самым привязывая их прочным канатом взаимных связей к нашему большому государственному паруснику словно потерявшую управление лодку без весел и ветрил. Но если что-то будет выходить из-под контроля, что-то пойдет не так, как нам нужно, тогда мы просто обязаны иметь инструмент, готовый оперативно исправить ситуацию. Вам понятна моя мысль?

– Да, ваше королевское величество, – твердо ответил сэра Сесил.

– Тогда вы свободны, сэра Сесил. Идите. Через неделю я жду вас с докладом о принятых мерах.

– Спокойной ночи, моя королева...

Елизавета кивнула в ответ и обхватила свои узкие плечи худыми руками, словно ее зазнобило. Она все еще была по-девичьи хрупка и изящна, и даже ночной халат казался на ней парадным платьем. Сэр Сесил огорченно покривился – похоже, королеве будет не до сна. Какая уж там там спокойная ночь...

Значит, завтра во дворце лучше не появляться. В не выпавшую королеву словно вселяется сам дьявол, способный на отвратительные поступки.

Домой сэра Уильяма Сесила возвратился под утро. О сне уже не могло быть и речи. Быстро сполоснув лицо холодной водой, он послал слугу за Френсисом Уолсингемом.

Казалось, что Уолсингем даже не ложился спать. Он был свеж, чисто выбрит и излучал энергию молодости, хотя был моложе своего начальника всего на двенадцать лет (Уолсингем родился в 1532 году). Сэр Сесил невольно позавидовал своему подчиненному. Конечно же он немного ревновал Уолсингема к королеве, но в глубине души должен был признать, что его помощник весьма талантлив и подает большие надежды.

– Как обстоят дела с твоими иезуитами, Френсис? – спросил сэра Сесил.

В последнее время ему очень не нравилась возросшая политическая активность английских католиков, и государственный секретарь отдал это направление в работе тайной службы инициативному и решительному помощнику.

Уолсингем коварно ухмыльнулся и ответил:

– Глава британской провинции иезуитов Роберт Парсонс составляет план будущего государственного устройства Англии после победы над ересью.

– Даже так? – встревожился сэра Сесил. – Откуда тебе это известно?

– Ах, сэра, если бы ее величество выделяло чуть больше денег для нашей службы, то все тайны Европы давно лежали бы на вашем бюро. Мои люди подкупили одного из помощников Парсонса.

При слове «деньги» сэра Сесил кисло скривился. Несмотря на искреннюю симпатию к своему главному помощнику, Елизавета платила ему унижительно мало. Нередко он жаловался, что государственного пособия ему едва хватает на содержание конюшен, и он вынужден проживать свои родовые поместья и залезать в долги. Щедрость, увы, не входила в список добродетелей королевы.

– И что там он задумал? – спросил сэра Сесил.

– Ничего оригинального и нового. Как это ведется издавна, иезуиты продолжают считать Рим пупом земли. Парсонс мыслит, что Парламент должен сохраниться, но члены палаты

общин должны назначаться католическими епископами. Те же, кому не по нраву подобные порядки, будут иметь дело с инквизицией. Что касается политической лояльности католиков, то она должна быть подчинена планам Рима и контролироваться через посредство ордена иезуитов.

– Королева Мария²² была слишком милостива к католикам... – буркнул сэр Сесил.

Уолсингем с пониманием кивнул. Он сразу заметил, что его начальнику в данный момент нет никакого дела до разработки иезуитов. Они были упомянуты для завязки разговора. Сэра Сесила томило что-то иное, гораздо более срочное и серьезное, нежели постоянные и где-то даже рутинные происки адептов ордена Иисуса.

Уолсингем не ошибся. В задумчивости пожевав губами, сэр Сесил поднял на своего подчиненного умный, тяжелый взгляд (от чего душа Уолсингема ушла в пятки; он уважал своего начальника, но одновременно и побаивался, потому что от государственного секретаря ничего нельзя было утаить) и сказал:

– У тебя, Френсис, намечается новое, очень тяжелое и опасное задание...

– Я весь внимание, сэр! – бодро сказал Уолсингем, по-военному выправляясь в кресле.

Сэр Сесил с высоты прожитых лет и опыта работы в тайной королевской службы мысленно укорил своего помощника: «Ах, молодость... Ему кажется, что он может горы свернуть. Увы, Московия – это не Франция и не Италия. Судя по докладу Ченслера, царь московитов сначала отправляет на плаху, и только потом начинает допрашивать... если кто-то остался. Легче напроситься на прием к Вельзевулу, нежели приблизиться к этому северному варвару без риска для жизни. Но ничего не поделаешь, королева сказала свое слово...»

– Разговор пойдет о Московии...

Когда спустя час Френсис Уолсингем покидал жилище сэра Уильяма Сесила, казалось, что он состарился на добрый десяток лет. Его высокий чистый лоб пересекала вертикальная морщина, а в глазах горел мрачный огонь. Задание и впрямь было нелегким, если не сказать – невыполнимым.

Более-менее толковой английской агентуры в Московии практически не было. За исключением Альберта Шлихтинга, немецкого дворянина из Померании. Он поступил наемником на службу к великому князю Литовскому, но при взятии литовской крепости Озерище русскими войсками в 1564 году был пленен и уведен в Москву. Там Штихлинг, владевший славянскими языками, попал в качестве слуги и переводчика к личному врачу Ивана Грозного Арнульфусу Линдсею.

Жадный до денег Шлихтинг был завербован тайной королевской службой два года назад и являлся единственным источником сведений из России. Правда, надежность этих сведений нередко вызывала в Уолсингема большие сомнения...

Что касается доктора Арнульфа Линдсея, который пользовал самого Иоанна Васильевича, то он, к большому сожалению, не имел никакого отношения к тайной службе ее королевского величества, и Уолсингем очень сомневался, что доктор примет участие в заговоре против царя московитов, притом на первых ролях. Тем более что Иоанн Васильевич не скупился на оплату врачебных услуг.

Дальнейший путь Уолсингема лежал в Тауэр. Пока он внимал, что ему втолковывал сэр Сесил, в голове у него забрезжили очертания замысловатой интриги. А когда Уолсингем сел в свой экипаж, он уже составил план предстоящей тайной операции. Уолсингем тем и отличался от других помощников государственного секретаря, что у него никогда не было недостатков в оригинальных идеях и замыслах, которыми он буквально фонтанировал.

---

²² Королева Мария – Мария I Тюдор (1516–1558), королева Англии с 1553 г., старшая дочь Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской; также известная как Мария Кровавая (или Кровавая Мэри), Мария Католичка. Этой королеве не поставили ни одного памятника на родине, ее имя ассоциируется с кровавыми расправами, день ее смерти (и одновременно день восшествия на престол Елизаветы I) отмечали в стране как национальный праздник.

В Тауэр Френсис Уолсингем въехал через Ворота предателей, что находились в башне святого Фомы. Слушая скрип механизма подъемной решетки, Уолсингем мысленно прикидывал, как следует повести разговор с нужным ему узником королевской тюрьмы. Он был заключен в древнейшей части крепости – Белой башне, которая расположена в самом ее центре. Башню построил Вильгельм Завоеватель в 1078 году. Она представляла собой настоящий замок. Название башни напоминало о белом камне из Кана, послужившим для нее строительным материалом.

Хитроумный Уолсингем устроил из свидания с заключенным целый спектакль. Он решил сыграть на двух крайностях. В одном из углов пыточного подвала Уолсингем приказал накрыть шикарный стол, застеленный белоснежной скатертью, с изысканными кушаньями и вином, возле которого поставили два кресла, а в другом углу глухонемой палач раскошегарил горн, в котором докрасна нагревались пыточные инструменты.

Нужно сказать, что спонтанная идея с горном оказалась очень кстати, потому что в пыточном подвале было сыро и зябко.

– У стола добавьте света! – приказал Уолсингем, с удовлетворением окинув взглядом постановку «мизансцены». – Зажгите еще пару свечей. И приведите заключенного.

Немолодой тюремщик поспешил исполнить приказ. Он немного побаивался незнакомого господина, перед которым сам комендант королевской тюрьмы стоял едва не навывтяжку.

Тюремный надзиратель много повидал на своем веку, поэтому сразу понял, что перед ним птица высокого полета, и лучше будет, если все приказы и пожелания незнакомца будут исполняться быстро, точно и в лучшем виде. Поэтому заключенный прилетел в пыточную как на крыльях – наверху лестницы, ведущей в подвальное помещение, тюремщик дал ему пинка под зад, и бедный малый влетел в помещение кувырком, стена и охая от ушибов; так приказал Уолсингем.

– Ай-яй-яй! – с наигранной укоризной сказал Уолсингем, обращаясь к тюремному надзирателю. – Что ж вы так... неаккуратно. Это ведь не кто-нибудь, а ученый муж, лекарь Элизиус Бомелиус...

И мысленно добавил: «Шарлатан и пройдоха, каких свет не видывал».

– Простите, сэр, – осклабился тюремщик.

– Дайте заключенному скамейку, – строго приказал Уолсингем.

Бомелиуса усадили на колченогий табурет, сиденье которого для мягкости было обито облезлой медвежьей шкурой. Обычно на этом табурете сидел палач, когда у него не было работы. В начале правления Елизаветы он совсем было заскучал от безделья и даже начал побаиваться, что его уволят за ненадобность, но последние два-три года выдались очень урожайными на заговорщиков разных мастей и оттенков, и палач трудился не покладая рук.

Он подошел к Бомелиусу и ловким профессиональным движением сорвал с лекаря рубаху, оголив его до пояса. А затем начал раздувать меха, дожидаясь указаний Уолсингема.

Бомелиус, который не понимал, что происходит, едва не потерял сознание от ужаса перед предстоящей пыткой – ведь его посадили в Тауэр не как бунтовщика, а из-за того, что он не смог выплатить штраф в 20 фунтов стерлингов²³, наложенный на него Лондонской медицинской коллегией за нарушение закона о лицензировании врачебной деятельности и плюс 15 фунтов для возмещения расходов по рассмотрению его дела.

Тем временем Уолсингем просматривал бумаги – дело Бомелиуса. Он видел, что лекарь готов для вербовки, но не мог отказать себе в удовольствии немного помучить, потомить неизвестностью будущего своего подчиненного – чтобы этот допрос в мрачном пыточном подвале

---

²³ Фунт стерлингов – денежная единица Великобритании. В XVI в. Ф. с. = 20 шиллингам = 240 пенсам. Как денежно-счетная единица в 240 пенсов английский фунт употреблялся в X в. Когда со второй половины XII в. началась чеканка монет типа пенсов, известных под названием «стерлингов» (больших пенсов), он стал называться Ф. с.

врезался Бомелиусу в память на всю его оставшуюся жизнь и чтобы в его голову никогда не приходила мысль о предательстве.

– Итак, «Элезиус Бомелиус... – начал читать Уолсингем. – Родился в городе Везеле²⁴, Вестфалия, в семье преподобного Генри Бомелиуса. Учился в Кембридже на отделении медицины...» но всего пять лет, вместо шести. Почему? Сие есть загадка. «В 1564 году открыл практику в Лондоне недалеко от собора Святого Микаэля ле Кверн на бойком месте в самом Центре торгового района Чипсайд. В этом же году женился. В декабре 1569 года арестован по обвинению в исполнении врачебной практики без лицензии... а также в использовании черной магии». Теперь понятно, почему вам не дали закончить обучение в Кембридже... Черная магия и точные науки не совместимы. Не так ли, Бомелиус? Я прав?

– Я ни в чем таком не виновен, ваша светлость... – проблеял Бомелиус.

– Сэр, – с видимым неудовольствием поправил его Уолсингем.

Лекарь нечаянно зацепил, пожалуй, самую больную струну в душе помощника сэра Сесила. Уолсингем родился в семье простого юриста, хоть и дворянина, поэтому втайне остро завидовал титулованным персонам. Он никак не мог претендовать на обращение «ваша светлость», потому что так именовались лишь бароны и графы.

– Сэр... – как попугай, повторил Бомелиус, полумертвый от страха.

Следующий документ заставил Френсиса Уолсингема мгновенно вспотеть. Перед ним лежало письмо, написанное его непосредственным начальником сэром Сесилом! Это было прошение от имени жены Бомелиуса, направленное в медицинскую Коллегию. Сэр Сесил просил освободить доктора из тюрьмы, мотивируя тем, что Бомелиус уже возместил ущерб королеве за нарушение закона. Однако Коллегия присудила Бомелиусу штраф и запретила дальнейшую медицинскую практику. Штраф не был выплачен, и Бомелиус остался за решеткой.

Что все это значит? Каким боком жена лекаря-шарлатана, недоучки, соотносится с королевским секретарем? Неужто родственница? Но тогда возникает вопрос, почему сэр Сесил не дал ей денег взаймы, чтобы заплатить штраф. Впрочем, 35 фунтов – это огромная сумма. А сэр Сесил почти всегда пребывает в стесненных обстоятельствах.

Интересно, чем это Бомелиус так досадил главе Коллегии, что тот наложил на него такие серьезные санкции? Чтобы долго не мудрствовать, Уолсингем так прямо и спросил Бомелиуса.

– Видите ли... э-э... сэр, я составил для главы Коллегии персональный гороскоп...

– Так вы еще и астролог?

– Да, сэр... балуюсь иногда.

– Ну и что там с этим гороскопом? Похоже, «факир был пьян и фокус не удался». Вам не удалось обмануть своего коллегу. Не так ли?

– Совершенно наоборот, сэр. Все вышло, как я и предсказывал. Это меня и сгубило.

– То есть?..

– Расположение звезд указывало на то, что у главы Коллегии будут какие-то неприятности в семье. Он не поверил мне... Увы, к несчастью, я оказался прав.

– По-моему, глава Лондонской медицинской коллегии до сих пор живет и здравствует...

– Да, сэр, все верно. Но проблема заключалась в том, что с некоторых пор у него выросли рога.

– Рога?.. – Уолсингем сначала с недоумением уставился на хитрую физиономию пройдохи Бомелиуса, который постепенно обретал душевное равновесие, а затем, запрокинув голову назад, громко и безудержно расхохотался.

---

²⁴ Везель – город и крепость в Пруссии, при впадении реки Липпе в Рейн. История Везеля начинается с 1125 г., когда был основан монастырь Авендорп, скрытый гражданами в XVI в. для того, чтобы испанцы не воспользовались им, как укреплением. Принадлежал к Ганзейскому союзу.

Смеялись все: Уолсингем, надзиратель, Бомелиус (он лишь робко хихикал) и даже глухонемой палач – за компанию, чтобы потрафить начальству. Наконец Уолсингем сделал над собой усилие, достал кружевной платок, смахнул набежавшую слезу-смешинку и сразу сделался очень серьезным.

– Оставьте нас, – приказал он тюремному надзирателю; тот послушно вышел, плотно притворив за собой тяжелую дубовую дверь пыточной. – А скажите, любезный, кем приходится вам или вашей жене сэр Уильям Сесил, государственный секретарь?

Этот вопрос для Уолсингема неожиданно стал самым главным. Если сэр Сесил и этот лекарь-шарлатан родственники, тогда весь его великолепный план по внедрению агента тайной королевской службы в ближайшее окружение царя московитов можно считать безвременно усопшим. Ведь Уолсингем не получил санкцию своего начальника на вовлечение в смертельно опасную интригу Бомелиуса. Но откуда он мог знать?!

«Дьявол!..» – Уолсингем выругался в мыслях длинно, виртуозно и грубо, как настоящий пират. Несмотря на всю свою ученость и приличное воспитание, помощник начальника тайной службы мог вращаться практически в любых слоях английского общества. Он с детства обладал даром мимикрии. Иногда Уолсингем, переодевшись моряком или кокни²⁵ прогуливался по Лондону, заходя в пабы²⁶, чтобы из первых уст узнать новости и тайны, от которых нередко зависели судьбы и даже жизни многих людей.

– Простите, сэр, но ни я, ни моя жена не имели чести...

– Тогда как объяснить, что сэр Сесил хлопочет за вас перед Коллегией? Или вы тоже составили ему гороскоп? – В последней фразе Уолсингема явственно прозвучала насмешка.

– Что вы, сэр! Как можно. Где я, а где секретарь ее королевского высочества... – Тут Бомелиус поднял свои бегающие глазки к закопченному потолку пыточной.

– И все-таки. Говорите правду, черт вас дерит! – Слова Уолсингема прозвучали как удар хлыстом по обнаженной спине узника.

Палач был глухим и немым, но не слепым. Заметив, как грозно нахмурился Уолсингем, он начал деловито ворошить тлеющие угли, чем снова довел бедного лекаря до состояния панического ужаса.

– Да-да, конечно... только правду... и ничего более... – заторопился Бомелиус. – Я точно не знаю, – ведь мы с женой не виделись со дня моего ареста, – но мне кажется, что нам помогла госпожа Бертье, урожденная баронесса Виллоуби де Эресби. Это она находится в родстве с государственным секретарем.

– Что вас связывает с госпожой Бертье?

– Это старая история... Дело в том, что мой отец, преподобный Генри Бомелиус, крестил Перегрину, сына супружеской четы Бертье. Это когда мы жили в Вестфалии. Мальчик был очень слаб, и все думали, что он не выживет. Положение было безвыходным, безнадежным, и тогда я рискнул применить свои, тогда еще совсем скромные, познания в медицине... Наверное, Господь сжалился над Перегрином... Нынче он жив и вполне здоров.

«Оказывается, этот лекарь-недоучка не такой уж и шарлатан... – с удивлением подумал Уолсингем. – Судя по всему, он говорит правду насчет младенца Перегрину и четы Бертье. Что касается сэра Сесила, то с его стороны, похоже, никаких препятствий не предвидится. Он всего лишь оказал любезность баронессе. Выходит, не так уж я был и неправ в своих умозаключениях... Посол московитов должен вернуться домой с новым лейб-медиком для царя Иоанна Васильевича! Дело остается за малым: сначала лишить Бомелиуса всех надежд на медицинскую практику в просвещенной Европе, а затем принудить его уехать в холодную варварскую

---

²⁵ Кокни – пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения (англ.).

²⁶ Паб – заведение для распития алкогольных напитков; многие пабы предполагают наличие небольшого пивоваренного завода, который находится непосредственно в пабах или вблизи от них. Пиво, сваренное там, является основным брендом паба (англ.).

Московию. Но и это еще полдела. Нужно каким-то образом представить Бомелиуса русскому посланнику, расписав его медицинские таланты в превосходных степенях. Думаю, что уговорить, а тем более обвести вокруг пальца подозрительного и недоверчивого москвитя будет не просто...»

Уолсингему было известно, что как раз в это время в Лондоне находится посольство москвитов во главе с Андреем Совиным. Посланник имел поручение заключить русско-английский союзнический договор, одним из главных пунктов которого была гарантия убежища в случае необходимости для царя в Англии и для королевы в России.

Однако, судя по некоторым фразам, нечаянно (или как бы нечаянно) оброненным сэром Сесилом в разговорах с Уолсингемом, королева Елизавета не хотела связывать себя союзническими обязательствами, хотя и не прочь была подсобить Московии в некоторых вопросах военного характера. (Например, поставить огнестрельное оружие.) Это значило, что миссия Совина должна закончиться полным фиаско.

Выходит, что единственное поручение, с которым может справиться посланник москвитов, – это доставка лейб-медика для своего царя. Уолсингем уже знал, что в Москве Андрею Совину была дана «Опасная грамота»²⁷ на доктора (поскольку послы не имели права проявлять инициативу в подобных вопросах или нарушать пункты, указанные в «Наказной памяти»²⁸). Значит, Совин будет землю копытами рыть, а постарается исполнить хотя бы один наказ Иоанна Васильевича. Он не остановится ни перед какими расходами, лишь бы заполучить Бомелиуса.

– Что ж, – сказал Уолсингем, – теперь все понятно... – Он немного помедлил, остро взглянув на Бомелиуса (от этого всепроникающего взгляда душа лекаря снова ушла в пятки), а затем довольно сухо продолжил: – Благодарите сэра Сесила за его доброту и заботу. Ваше дело разрешилось наилучшим для вас образом... – Решение пришло спонтанно, и помощник начальника тайной службы начал свою игру. – Вас выпустят из Тауэра, штраф, наложенный Коллегией за нарушение закона о лицензии, будет оплачен... м-м... скажем так, вашими добродетелями. – «Например, москвитом Андреем Совиным...» – подумал не без самодовольства Бомелиус; он оживился, а в его тусклых, будто присыпанных серым пеплом темных глазах блеснул живой огонек. – Но! Вам запрещено практиковать в Англии. Если нарушите запрет, то в случае повторного ареста в Лондоне или где-либо еще на территории королевства вы будете оштрафованы на 100 фунтов стерлингов и вас будет ждать если и не плаха, то очень длительное тюремное заключение.

– Сэр! – в отчаянии воскликнул Бомелиус. – Но как же мне жить дальше?! Ведь практически меня лишают средств к существованию!

– Это ваши проблемы. А вообще-то... – Уолсингем надел на себя маску сочувствия. – Сэр Сесил советует вам покинуть пределы Англии и как можно скорее. Уезжайте подальше. Пройдет время, все забудется... а там видно будет.

– Но, чтобы уехать, нужны деньги! А в моих карманах нет ни единого пенни²⁹!

– Это уже другой разговор. Садитесь за стол. Вы голодны, вам нужно подкрепиться. А потом мы побеседуем более обстоятельно...

Бомелиус робкими шажками приблизился к столу и сел. Уолсингем налил ему вина в простой, но вместительный оловянный кубок, и вскоре бедный лекарь уплетал за обе щеки удивительно вкусные (как ему показалось) яства, приготовленные тюремным поваром. Время от времени его взгляд невольно обращался на неподвижную, подсвеченную пылающими угольями

²⁷ Опасная грамота – охранный документ.

²⁸ Наказная память – инструкция для посольства.

²⁹ Пенни – британская разменная монета; во времена королевы Елизаветы I монета весила около 0,58 г серебра. Долгое время П. оставался единственной монетой Англии. К XIV в. в Англии была создана стройная монетная система: 1 фунт стерлингов = 20 шиллингов = 60 гроутов (120 полгроутов) = 240 пенсов (480 полпенни) = 960 фартингов.

фигуру палача, по-прежнему неподвижно торчавшего возле горна, и тогда по спине Бомелиуса в очередной раз начинали ползать мурашки.

Но два кубка отменного кларета³⁰, искусно запеченная на вертеле баранья нога, пирог с дичью, а главное, белоснежная скатерть, казалось бы, совсем неуместная в этом мрачном пыточном застенке, постепенно настроили узника на новую волну. Он расслабился и почувствовал, что к нему начало возвращаться человеческое достоинство, от которого в тюрьме с ее жестокими нравами обычно остаются лишь одни воспоминания.

Уолсингем тоже отдал дань угощению, предоставленному по милостивому распоряжению коменданта Тауэра. Он не успел позавтракать, поэтому ел почти так же жадно, как и лекарь. Однако помощник начальника тайной королевской службы работал не только зубами. В эти минуты в его голове разрозненные разноцветные стекляшки сложной интриги, которую он затевал против Московии, постепенно становились на свои места, превращаясь в законченное мозаичное панно коварного заговора.

---

³⁰ Кларет – легкое сухое красное вино; в Англии так называют красное вино Бордо.

Глава 2. Таинственная незнакомка

Глеб Тихомиров сидел в библиотеке с видом мученика. За большими высокими окнами ярко светило весеннее солнце, зеленела на деревьях молодая листва и щебетали птички, а ему приходилось перелистывать пыльные фолианты и копаться в старинных рукописях, где сам черт ногу сломит.

«Сейчас бы в самый раз готовиться к выходу в „поле“... – думал он с тоской. – Но, похоже, это лето мне придется убить в подвалах книгохранилища. А все батя... Моему Николаю Даниловичу, видите ли, мало, что его сын всего лишь кандидат наук от археологии! Так теперь подавай ему на блюдечке с голубой каемкой еще и докторскую диссертацию. Бред! На кой ляд она мне нужна?! Ну не буду я лекции читать в институте на кафедре, не хочу и не буду! Но попробуй с ним поспорить... Зануда!»

По жизни Глеб был «черным» археологом и кладоискателем. Притом очень удачливым. Редко когда он возвращался из поиска (или «поля» по терминологии подпольных археологов) без ценных находок. Этому всегда предшествовала кропотливая работа в архивах, которой Глеб обычно занимался зимой. У него уже было солидное имя в узком кругу специалистов по древностям; мало того, Глеба нередко привлекали в качестве эксперта-консультанта и оценщика предметов старины, и он был вполне доволен своим местом в научной иерархии и своими заработками.

Так нет же, Николаю Даниловичу, видному эксперту и специалисту по древней истории, захотелось подготовить себе смену. И он заставил сына корпеть над книгой, без которой защита докторской диссертации была невозможна.

«Пойти в кабак и напиться, что ли? – Глеб нервно облизал сухие губы. – А что, неплохая мысль. Имею я на это право? Несомненно! Я ведь должен расслабляться хоть иногда. Иначе крыша поедет от всего этого... – Он с отвращением отодвинул от себя толстый фолиант. – Царь-батюшка Иоанн Васильевич натворил черт те что, а мне разбирайся! Дебри, право слово...»

Тему научного труда ему подкинул отец. Глеб поначалу сопротивлялся, – мол, эпоха Ивана Грозного не его конек, – да разве Николая Даниловича можно переубедить?

«Пацан... – ворчал он, укладывая чемодан; Тихомиров-старший собирался в очередной заграничный вояж. – Я дал тебе наводку на золотые россыпи, а ты кирпу гнешь. Тема еще никем не раскрыта. По крайней мере в официальном плане. У тебя есть шанс стать первопроходцем. Выйдет твой реферат – считай, что ты на коне. Защита пройдет на „ура“. В общем, не перебирай харчами, трудись. Приеду – проверю».

«А ежели что, бить будешь?»

«Как же, тебя побьешь... Вон какой дылда вымахал. Лишу наследства. Все свои капиталы отпишу чужим людям».

«Что ж, придется пойти по миру...» – деланно пригорюнился Глеб.

«А ты не гоношись, не гоношись. Башка у тебя на месте, так что все у нас получится. Не век же тебе ходить в „черных“ археологах. Да-да, я понимаю, ты сейчас скажешь, что все Тихомировы кладоискатели с деда-прадеда, что это наш образ жизни... Но согласишься, что докторское звание в твоей дальнейшей жизни ни в коей мере не будет помехой, а только подспорьем».

«Умеете вы, Николай Данилович, убеждать... Особенно в той части, которая касается наследства. Батя, ты изверг. Молодого орла сажаешь в клетку. Ладно, ладно, считай, что я сдался. Накропаю я книжонку. Вот только чего она будет стоить, не знаю. Тема настолько сложная и мутная, что я пока как в тумане. Даже с твоими подсказками».

«Все новое поначалу идет трудно. Держись, казак, на тебя смотрят наши пращуры. Нужно оправдать их доверие».

«По крайней мере, они не маялись разной фигней... – пробурчал Глеб. – Зарабатывали себе на хлеб насущный не бумагомаранием, а землю ковыряли, добывая артефакты, чем и кормились...»

Клан Тихомировых занимался кладоискательством начиная со времен Петра Великого. Но из-за потрясений, пережитых Россией после того, как царь-реформатор прорубил на Балтике «окно» в Европу, через которое в империю заползла коварная иноземная шушера с бредовыми человеконенавистническими идеями, от клана остались одни ошметки. Кто погиб в многочисленных войнах, кто сгинул в сталинских лагерях, а кто просто умер от голода и безысходности. В конечном итоге на начало двадцать первого века из династии потомственных кладоискателей Тихомировых осталось только двое – Николай Данилович и Глеб.

– Не-ет, я так больше не могу-у! – вслух простонал Глеб. – Все, точка! К дьяволу архивную пыль и моль, хочу на волю, в пампасы!

Он не рассчитал, что в небольшом зальчике старинных рукописей его тихая речь прозвучит так громко. Сидевшие в нем научные работники и прочие умники с дружным осуждением посмотрели на Глеба, но его уже понесло.

– Миль пардон, мадам, экскузэ, мсье, – галантно и чересчур громко извинялся он, таща в охапке инкунабулы и фолианты. – Жё нё ле па фэ экспрэ³¹. Весна, понимаете ли...

И выскочил в коридор как ошпаренный...

На улице во всю разбойничал весенний ветер – предвестник грозы. Глеб не стал искать что-либо поприличней, а заскочил в первое попавшееся на пути кафе, чтобы переждать дождь. Собственно говоря, это заведение только так называлось, а на самом деле было баром, что вполне устраивало Тихомирова-младшего, потому что есть ему не хотелось.

Он заказал два коктейля покрепче, соленых орешков и с блаженным видом погрузился в мягкое кресло за столиком возле окна. Будучи закоренелым холостяком, он никогда не отказывал себе в удовольствии понаблюдать за представителями слабой половины человечества. Весна уже давно вступила в свои права, и одеяния девушек стали столь откровенно соблазнительными, что не могли не греть его мужскую душу фривольными мечтаниями; естественно, вкупе с коктейлем.

Глеб не был женоненавистником, отнюдь. Как практически любой нормальный мужчина его возраста (ему недавно минуло тридцать) Тихомиров-младший имел несколько пассий, которые скрашивали ему вечера, а иногда и ночи. К сожалению, их приходилось чересчур часто менять. И совсем не потому, что Глеб был ветреным малым или, тем более, искушителем типа Казановы.

Просто по истечении некоторого времени его подружкам вдруг становилось просто-таки невмогуту общаться с Глебом без соответствующего статуса, и они начинали настаивать на походе в ЗАГС, чтобы сделать отметку в паспорте. Вольнолюбивая натура Глеба начинала бунтовать, он быстренько придумывал какой-нибудь скандалчик, и обиженная в своих лучших чувствах девушка уходила, громко хлопнув дверью.

Конечно, на следующий день (или спустя неделю) она пыталась вернуться под крылышко весьма обаятельного (и вдобавок, не бедного) молодого мужчины, но поезд уже проехал нужную остановку, а кондуктор даже в мыслях не держал возможность нажать на стоп-кран.

Отец брюзжал: «Имей совесть, женись. Пожалей старика, дай понянчить внуков пока в состоянии. И потом, кто продолжит наше дело? Вымрем как два мамонта...»

На что Глеб отвечал: «И как ты представляешь мое сосуществование с молодой женой? Я ведь отсутствую дома по пять-шесть месяцев в году. А без „поля“, сам понимаешь, мне не жизнь. Какая женщина согласится быть при живом и здоровом муже едва не соломенной вдо-

---

³¹ Жё нё ле па фэ экспрэ – я не нарочно (*фр.*).

вой? Она или заведет себе любовника, или сбежит от меня при первой возможности... с твоими внуками».

«Но когда-то же все равно надо...»

«Кто спорит. Надо. Но это не к спеху. И потом, ты еще не настолько стар и немощен, чтобы плести себе лапти. Успеешь еще с внуками повозиться. Между прочим, как говорится, чья бы мычала. Сам ты вон сколько лет бобылем ходишь. И женщины хорошие у тебя есть на примете, я ведь знаю. Почему тогда не женишься? В доме нужна хозяйка, живем как в монастыре... Что молчишь, батя, сказать нечего? То-то...»

Дождь так и не начался. Гроза прошла стороной, лишь ветер немного накуролесил, обломив несколько веток и разбросав мусор по тротуару и мостовой Глеб уже допивал второй стакан, когда его внимание привлекла высокая стройная девушка, ожидавшая на остановке очередного троллейбуса.

Видимо, ветер где-то замкнул провода, потому что троллейбусы не ходили, и от этого она нервничала, что было понятно по ее мимике. Стоянка находилась как раз напротив кафебара, и Глеб мог рассмотреть понравившуюся ему девушку во всех подробностях. Она имела отменную спортивную фигуру, крепкие мускулистые ноги и загорелое (нет, скорее обветренное), весьма симпатичное лицо. Судя по нему, Глеб мог побиться об заклад, что девушка явно не принадлежит к офисному «планктону», просиживающему весь день в какой-нибудь конторе за компьютером.

Он не успел как следует разобраться в своих мыслях и предположениях, потому что события на остановке вдруг приобрели неожиданный поворот. Едва Глеб отметил, что за девушкой наблюдает не только он, но еще и шустрый малый явно подозрительной наружности, тоже ожидавший троллейбуса, как тот подскочил к девушке, вырвал из ее рук пластиковый пакет и бросился наутек.

Реакция Тихомирова-младшего была молниеносной. Опрокинув на бегу стул, он выскочил из кафе и помчался вдогонку за воришкой. Глеб даже не успел задаться вопросом, на кой ему это нужно; он действовал в большей мере инстинктивно, нежели осознанно.

Нужно сказать, что и девушка не растерялась. Она тоже начала преследовать вора. Но куда ей было до Глеба, который бегал как спринтер. Его не совсем законная профессия «черного» археолога предполагала не только умение находить различные тайники с артефактами, но и способность быстро бегать, чтобы скрыться, когда нужно, от правоохранительных органов или от бандитов, охочих на дармовщину.

Вора Глеб догнал уже в переулке. Тот попытался сопротивляться, но Тихомиров-младший сбил его на мостовую с разбега, как настоящий ниндзя – в прыжке, ногами. Вор покатился по земле и выронил пакет, который тут же разорвался. К глубокому разочарованию Глеба (стало из-за этого жилы рвать!) оказалось, что в нем были какие-то бумаги, которые тут же подхватил ветер и разбросал по всему переулку.

Девушка тоже не задержалась. Услышав позади цокот ее каблучков, Глеб обернулся, чем не замедлил воспользоваться воришка. Он пробежал метра три на четвереньках, а затем поднялся во весь рост и быстро поковылял дальше, хромая на ушибленную при падении ногу.

Глеб даже не подумал его преследовать; таких любителей поживиться на «рывок», особенно среди наркоманов, в городе хватает, всех не пересажаешь. И потом, ему вовсе не улыбалась перспектива тратить свое время на общение с милицией. Документы спасены – это главное. Теперь неплохо бы получить и благодарность...

Увы, его ожидания оказались тщетными. Сумрачно глянув исподлобья на Тихомирова-младшего, девушка буркнула: «Спасибо» – и начала быстро собирать бумажные листки и тонкие картонные папки с ботиночными тесемками (это где же такое канцелярское «чудо» советских времен сейчас продается? – с удивлением подумал Глеб), которые покрыли асфальт словно палые листья в октябре.

Глеб, обиженный таким неприветливым и неблагодарным отношением к своей персоне, не стал ей помогать. Немного отдышавшись, он отошел в сторонку, закурил и принял позу незаинтересованного наблюдателя. Даже в не очень картинной позе колхозницы, которая выкапывает картошку, девушка выглядела превосходно, констатировал он не без сожаления.

И тем не менее сойтись с ней поближе ему явно не удастся. Глеб уже был достаточно опытным в таких делах и знал, что если первый контакт не получился, то добиваться взаимности – артель напрасный труд. Он вообще терпеть не мог тех мужчин, которые лезли без мыла в одно место, лишь бы завоевать расположение приглянувшейся дамы. Разжалобить или умаслить слабый пол без взаимной симпатии практически невозможно. Путаны не в счет – они на работе, им платят не за чувства.

Собрав свои «сокровища», девушка коротко кивнула на прощанье – и была такова. Немного растерянный Глеб, в душе которого все же теплилась надежда на некое продолжение интригующей истории с погоней, раздраженно сплюнул и подошел к урне, чтобы выбросить окурок.

Небольшой конверт из плотной светло-серой бумаги в углу за урной он увидел совершенно случайно. Похоже, девушка не заметила, куда его забросил порыв ветра. Обрадованный Глеб схватил конверт и поторопился вслед девушке – у него появился еще один шанс! Но теперь этой странной, чтобы не сказать больше, девице, подумал он не без ехидства, не удастся ограничиться одним «спасибо»...

Остановка была безлюдна. Троллейбусы шли один за другим, словно где-то прорвало плотину и водный поток вымыл на улицы города весь троллейбусный парк. Как некстати подсутились электрики! – с досадой подумал Глеб. Нет бы попили пивка где, покалякали о жизни, как обычно... куда спешить? Сегодня все равно суббота, народ отдыхает, сидят по домам или на дачах.

Немного повздыхав, Глеб сунул конверт в карман (не выбрасывать же), поймал такси и поехал домой. Из головы у него никак не выходил образ чернавки – так мысленно прозвал он неблагодарную девицу. И только сидя в такси, Глеб наконец понял, что его поразило больше всего – девушка имела пышные волосы, вся она была в кудряшках (наверное, ухищрения парикмахера) и... с косой! Толстая, не очень длинная коса с вплетенной темно-красной лентой, что по нынешним временам казалось абсолютным анахронизмом, эдакой давно забытой патриархальщиной.

Дома, приняв душ и переодевшись, Глеб прошел в свой кабинет и сел за стол. Они с отцом жили в собственном двухэтажном доме. В свое время (когда чиновники брали взятки по мелочам и были бедны, как церковные мыши) Николай Данилович подсутился и получил козырный участок для застройки почти бесплатно. Нынче сотка земли в этом, почти центральном, микрорайоне стоила бешеных денег.

Положив конверт перед собой и включив мощную настольную лампу, Глеб некоторое время смотрел на него с интересом естествоиспытателя, которому попала в руки неведомая науке черепашка – а что там может быть внутри, под панцирем? Конверт был не заклеен, но врожденная порядочность все же какое-то время сдерживала намерение Глеба проверить его содержимое.

«Нехорошо это, некрасиво, мон ами³²... – Глеб изображал перед самим собой повышенную степень благородства. – Ковыряться в чужом белье... фи! Но с другой стороны, может, там, внутри, есть ее адрес. Вдруг то, что хранится в конверте, ей очень дорого. Отошлю – и все дела. Или встречусь... Нет, надо посмотреть!» Глеб решительно поднял конверт и вытряхнул его содержимое на стол.

---

³² Мон ами – мой друг (фр.).

Наверное, окажись в конверте инструкция по изготовлению миниатюрной атомной бомбы, и то он удивился бы меньше. На стол выпал кусок старинного пергамента, который при ближайшем рассмотрении оказался картой! Глеб едва не заржал, как боевой конь, услышавший звук трубы, призывающей начать атаку.

Карта! Не было ни гроша, да вдруг алтын! Кому везет на такие находки? Верно – дуракам и пьяницам. На дурака он вроде бы не похож, а что касается спиртного, то здесь все в точку, вспомнил Глеб про два коктейля, выпитые в баре. Неужто награда нашла своего «героя»?

Чтобы немного успокоиться, Глеб налил рюмку коньяка, выпил и закурил сигарету. И все равно руки, когда он начал рассматривать изображение на пергаменте, предательски подрагивали. Тем не менее он быстро определил, что карту изготовили не позже шестнадцатого века. Она была очень похожа на карты Меркатора³³ – почти такая же четкая прорисовка мельчайших деталей и грамотная компоновка без фантазий, присущих другим картографам.

И тем не менее карта явно вышла не из мастерской знаменитого фламандца; скорее всего, ее рисовал какой-то русский умелец, хотя текст внизу был сделан латынью. Однако прочитать его Глеб не смог. Скорее всего, текст был зашифрован.

«Что-то знакомое... – думал Глеб, сосредоточенно разглядывая тонкие линии на карте, прорисованные водостойкой тушью с помощью каких-то неведомых инструментов; гусиные перья, даже очень тщательно очиненные, которыми пользовались писцы и художники в шестнадцатом веке, оставляли за собой гораздо более толстый и не такой „шероховатый“ след. – Речка, леса, какая-то горюшка, сельцо... Нет, точно знакомая местность! Но где это? Увы и ах, никаких названий на карте нет и в помине. Тогда, друг ситный, это уже не карта, а тайный план... Неужто?!»

Чувствуя, как во всем теле проявился до боли знакомый кладоискательский зуд, Глеб отсканировал карту, немного поколдовал над изрядно поблекшим изображением, добавив резкости, и ввел данные в свой мощный компьютер. Там у него была база картографических данных России, начиная с «Чертежа земель московских» 1497 года. Спустя минуту компьютер бесстрастно сообщил, что ничем помочь не может. Графическое изображение этой местности в его электронной башке, увы, отсутствовало.

– Вот сволочь! – злобно окрысился Глеб на металлический ящик, напичканный суперсовременной электроникой. – На кой ляд я за тебя сколько денег отвалил?! Совсем мыслить не желаешь, железяка хренова. Но если ты надеешься, что я так просто от тебя отстану, то сильно заблуждаешься...

Он продолжал ругаться сквозь зубы в том же духе, когда в кабинет вошел отец. Он был в отменном расположении духа.

Две недели назад Николай Данилович возвратился из Лондона, где его услугами как эксперта пользовалась весьма известная фирма «Сотбис»³⁴, и теперь с головой окунулся в отдых. То есть, днем рылся, как крот, в запасниках местного археологического музея, по собственной инициативе классифицируя старые и новые находки, а по вечерам навещал старых друзей, большей частью таких же сдвинутых по фазе кладоискателей из рядов старой гвардии «черных» археологов, в которой Тихомиров-старший числился как минимум полковником, и спорил с ними почти до утра.

– Ты чего бурчишь? – спросил Николай Данилович и плеснул себе в рюмку немного коньяку. – А где лимон?

³³ Меркатор, Герхард (1512–1594) – латинизированное имя Герарда Кремера (и латинская, и германская фамилии означают «купец»), фламандского картографа и географа.

³⁴ «Сотбис» – старейший в мире аукционный дом. Совместно с аукционным домом «Кристис» занимает около 90 % мирового рынка аукционных продаж антиквариата, предметов искусств и т. д. Основан 11 марта 1744 г. в Лондоне книготорговцем Самюэлем Бейкером.

– Батя, из-за той дурацкой темы, что ты навязал своему бедному сыну, мне некогда не то что в магазин сбегать, чтобы прикупить продуктов, но даже в кабак сходить – дабы расслабиться как следует.

– Почему дурацкой?

– А потому, что не верю я в твою идею, что при Иване Грозном в России существовал какой-то орден, наподобие рыцарского. Не верю!

– Вот те раз... А как насчет кромешников?

– Батя, сие что в лоб, что по лбу. Кромешники – это те же самые опричники, что и подтвердил в свое время князь Курбский³⁵. Слово «опричина»³⁶ происходит от слова «опричь», т. е. «кроме». «Кромешная тьма» – потусторонняя тьма, загробный мир, а ее адепты – тогдашние братки, рэкетеры. Их отличие от современных заключается лишь в том, что они действовали по указке сверху. Впрочем, не исключено, что и нашим отморожкам была поставлена определенная цель (пусть и опосредовано) и явно людьми, облеченными властью... вот только неизвестно кем. Эта цель лежит буквально на виду – создание в кратчайшие сроки прослойки злостных частников с приличными капиталами для построения «светлого» будущего человечества – капитализма. Ты ведь не будешь возражать, что опричина и перестройки – это два сапога на один ногу, по-грузински выражаясь.

– В какой-то мере, да. Но я считаю, что опричина, созданная Иваном Грозным, в конечном итоге превратилась в военно-монашескую организацию. Поначалу так назывались владения великих княгинь, а уже при Иване Грозном это были владения «опричь» от любой государственной юрисдикции. В эти владения входило более двадцати городов и отдельные улицы (слободы) в Москве. Ты правильно сказал, что понятие «опричина» имеет значение «вне», «кроме». Отсюда и происходит другое название опричников – «Орден кромешников», то есть орден, который «кроме, как все государство».

– Хорош орден... – фыркнул Глеб. – Если в западноевропейских рыцарско-монашеских орденах превалировали титулованные персоны и нобили³⁷, то царь-батюшка Иоанн Васильевич набрал в свой «Орден кромешников» всякой шелупони, в том числе и иноземных авантюристов без роду-племени.

– Не в орден кромешников, а в опричину. Как говорят в Одессе, это две большие разницы. Да, действительно, существовало такое мнение, что Иван Грозный набрал в опричину всяких «безродных», чтобы бороться с боярской верхушкой, которую он хотел сломить и подчинить своей воле. Но это не очень соответствует действительности. Например, имя одного из главных руководителей опричины Малюты Скуратова было монашеским. А его мирское имя – Григорий Лукьянович Бельский-Белозерский; он был из рода Гедиминовичей, правящей династии Великого княжества Литовского. Его предок приехал из Литвы в свите Елены Глинской, матери Ивана Грозного. Второй человек, возглавлявший опричину, – князь Афанасий Вяземский. Он вел свой род от самого Мономаха! То есть, это природные Рюриковичи – не менее, чем сам Иван Грозный. Еще две личности, стоявшие во главе опричины, – Федор и Алексей Басмановы. По роду Басмановы были бояре Плещеевы. Хочу напомнить тебе, что

---

³⁵ Курбский Андрей Михайлович (1528–1583) – князь, боярин, писатель. В течение долгого времени был личным другом Ивана Грозного. Принимал участие в Казанских походах. В Ливонской войне (1558–1583) был назначен командующим русской армией. Когда в ходе войны Россия стала терпеть поражения, бежал в Литву, опасаясь репрессий. Польским королем Сигизмундом II был назначен членом Королевского совета, воевал против России на стороне поляков. После побега написал Ивану Грозному три послания, в которых осуждал репрессии против боярства и отстаивал древние боярские права. Иван Грозный в своих ответах отстаивал необходимость для России самодержавной власти.

³⁶ Опричина – 1) В XIV–XV вв. О. называли особое владение, выделенное членам великокняжеской семьи. 2) Название государева удела в 1565–1572 гг. (его территорий, войска, учреждений). 3) Внутренняя политика Иоанна IV Васильевича Грозного в те же годы.

³⁷ Нобили – средневековые дворяне, а также часть городского патрициата, которую составляли выходцы из крупных феодальных семей.

Суздальская Русь вышла из городка Клещеево, который стоял на Плещеевом озере. И князья Переяславль-Залесские, откуда был и Юрий Долгорукий, имели второе имя – князья Плещеевы. Так вот, Федор и Алексей Басмановы и были князьями Плещеевыми.

– И все равно твое утверждение, что кремешники – это рыцарский орден московитов, по меньшей мере безосновательно!

– Хочешь верь, хочешь нет, но я считаю, что это был орден, в который входили самые высокородные персоны на Руси. К примеру, возьмем Андрея Курбского, природного Рюриковича. И что он пишет в своих посланиях к Ивану Грозному? «Мы по роду с тобой одинаковы...» О чем это говорит? То-то... И потом, взять хотя бы Ваську Грязного. Уж его-то, казалось бы, Иван Васильевич нашел едва не на помойке, отмыл, приблизил и поставил опричным воеводой. Но вообще-то его имя было Василий Григорьевич Грязнов. Его родственник приехал из Венеции и был правой рукой Великого магистра тевтонского Левантийского ордена. От них пошел знаменитый боярский род Ошаниных. По моему уразумению, опричнина делилась на три части. Первая – около трехсот человек, разделенных на сотни, которые жили в Александровской Слободе; как ты знаешь, Слобода длительное время была как бы запасной столицей Российского государства. Эти триста опричников, самых верных сподвижников Грозного, и принадлежали, судя по всему, к Ордену кремешников. Вторая часть (ближняя тысяча) сидела в Москве и близлежащих городах. И еще шесть тысяч опричников сидело по двадцати городам. Между прочим, промышленники Строгановы, владельцы соляных промыслов, – это опричники. И предки знаменитых Демидовых тоже были опричниками.

– Значит, ты утверждаешь, что кремешник – это звание...

– Да, кремешник – это как рыцарь-храмовник, вооруженный чиновник высшего разряда из ближайшего окружения магистра, в данном случае царя Иоанна Васильевича.

– Батя, но это же бред сивой кобылы! Не верю! Я не нашел ни в одной средневековой рукописи, ни в одной инкунабуле даже упоминания того факта, что на Руси были ордена наподобие рыцарско-монашеских, существовавших в Западной Европе.

– Плохо искал. Работай дальше, копай поглубже. И да обрящет ищущий. Действительно, такие организации на Руси никогда не называли орденами (тут ты прав – в книгах об этом нигде не написано), но есть все основания считать их структурами орденского типа. Однако в России все же были конкретные ордена, от которых нам достались нагрудные знаки. Орден – это название военизированной структуры и отличительный знак на груди кавалера ордена. Кавалер – это человек на коне, всадник; все ордена имели название «братство всадников». В России до 1917 года было 11 официальных орденов. Первый официальный орден, который был утвержден и имеет документальное основание, – это орден Андрея Первозванного. Его утвердил Петр I в 1698 году после своего посвящения в кавалеры шотландского ордена Андрея Первозванного. Вернувшись из Европы, он утвердил такой же орден на Руси. При Петре I в него входило всего 38 человек. Первым в ордене был знаменитый дипломат Федор Головин, вторым – Мазепа, который изменил Петру под Полтавой. Также в орден входили Шереметев, Меншиков, Брюс, Лефорт, Гордон – практически все главные сподвижники Петра Великого.

– Ты хочешь сказать, что орден Андрея Первозванного – это некая организация?

– Именно. Это была организация, в которую входило при Петре I только 38 человек.

– Администрация президента... – Глеб иронично покривился.

– Нет, это общественная, а не государственная структура. Самое интересное, что внутри ордена Андрея Первозванного был еще один, более закрытый орден, в который входило всего 9 человек. Он назывался «Нептунов круг», и «мастером стула», сиречь магистров, в нем был Яков Брюс³⁸. А в ордене Андрея Первозванного «мастером стула» подвизался Шереметев. Собирались они в голубом зале, соблюдая шотландский обряд масонства.

---

³⁸ Брюс Яков Вилимович (1670–1735) – граф, российский государственный и военный деятель, ученый. Происходил из

– Везде одни масоны... – буркнул Глеб. – Плюнешь – и попадешь.

– А ты не плюй. Губы будут целей. Масоны к кромешникам никакого отношения не имеют. Между прочим, я забыл сказать тебе, что в Лондоне мне удалось снять копию с одного примечательного документа. Это донесение сотрудника тайной королевской службы Альберта Шлихтинга. Так вот, в донесении (прочтешь) Шлихтинг жалуется, что ему сильно мешает работать некая тайная организация, члены которой именуют себя кромешниками.

– Минуту! Но ведь опричнина закончилась, если мне не изменяет память, в 1572 году.

– Неверно. Опричнина действовала до самой смерти Ивана Грозного в 1584 году. Только она стала называться «Государев двор». Какой же правитель так легко и просто расстанется с четко и безотказно работающим органом подавления инакомыслия, который к тому же весьма эффективно выполняет разведывательные и контрразведывательные функции? Что касается ордена кромешников, то он, судя по косвенным признакам, просуществовал вплоть до начала правления Петра Алексеевича. Само понятие «опричник» очень быстро вышло из употребления и стало заменяться словом «двор», а «опричник» стал «дворовым». Вспомни – вместо «города и воеводы опричные и земские» начали говорить и писать «города и воеводы дворовые и земские».

– Это я помню.

– Ну вот. Так что дерзай, вьюнош. Ты ведь не новичок в таких делах. Упорство и труд в нашей профессии всегда находят достойное вознаграждение.

– Тебе легко говорить... Вон, лето на носу, а я должен загибаться в архивах, вместо того, чтобы насладиться вольной волей на раскопках. У тебя есть жалость к единственному сыну?! Ну буду я доктором наук – и что? Что от этого изменится?

– Не скажи, Глебушка, не скажи... Многое изменится. Молодой доктор наук, профессор, а в перспективе и академик (я верю в тебя) – завидная пара для любой женщины.

– Я так и понял. Задача женить меня превратилась для тебя в манию. Давай договоримся: я прекращаю работу над рефератом и немедленно женюсь (на ком? какая разница!), а ты прекратишь тащить меня в большую науку. Ну что я там буду делать?! Мне моих знаний вполне достаточно, чтобы я мог выступать в качестве эксперта... пусть и не в английской «Сотбис», а в какой-нибудь российской аукционной фирме. Как-нибудь прокормлюсь. И потом, не забывай, что я должен поддерживать семейные традиции, иначе о клане Тихомировых вскоре забудут не только серьезные люди, но даже «жучки», разная кладоискательская мелюзга.

– Хватит тебе плакаться в жилетку! И вообще, мне недосуг выслушивать разные бредни. Работай. Вот ты так говоришь, но я же по глазам вижу, что моя идея тебе начинает увлекать, что она уже высекла искру, из которой возгорится пламя.

– Хотя ты и не был коммунистом, но лозунги у тебя, батя, вполне большевистские.

– Все, все! Я уйду. Мне пора.

– Опять идешь к своим городским сумасшедшим, подвинутым на почве археологических изысканий?

– Не такие уж они и сумасшедшие... Бывай... – Николай Данилович вдруг покраснел и быстро вышел из кабинета.

«Эге! – весело подумало Глеб. – Вон оно что! Похоже, у моего ученого папули завязался очередной роман. Интересно, с кем? А я думаю, чего это он так быстро обернулся в Лондоне. Потянуло его, видите ли, на кислые щи. Овсянка надоела. А что, неплохо бы хозяйку в дом... Пыли у нас больше, чем в архивах».

Допив коньяк, Глеб закурил и снова сел за компьютер. Тихомирову-младшему не терпелось продолжить исследование клочка карты, подаренного ему ветром. В гостиной ударили

древнего шотландского рода, среди его предков были короли (Роберт I Брюс и Давид II Брюс). Уже при жизни Якова Брюса в Москве сложились о нем легенды, в которых его называли алхимиком, предсказателем и колдуном. Интересно, что такую же репутацию имели в Шотландии и Англии все короли из рода Брюсов.

большие напольные часы: «Бом-м... бом-м... бом-м...», и мысли Глеба вдруг вернулись к кро-мешникам.

«А что, если батя прав? Что, если на Руси при Иване Грозном и впрямь существовал рыцарский орден? Отец мыслит верно – ежели я сумею доказать существование ордена кро-мешников, то это будет научная сенсация... Господи, о чем я мечтаю?! Что за бред?! Мне с моей „профессией“ только и не хватало покрасоваться на телевизионных экранах, чтобы меня знала в лицо каждая дворняжка во всех городах и весях России. Засвеченный „черный“ археолог – это живой труп. Тогда на выходах в „поле“ придется поставить большой жирный крест. А дальше... дальше пойдет не жизнь, а существование, как у персонального пенсионера. А мне, между прочим, до пенсии еще ой как далеко. Да-а, перспектива...»

В кабинет заглянул Николай Данилович. Он уже был чисто выбрит и одет как лондонский денди.

– Тут к тебе пришли, – сказал он буднично. – А я убегаю. К сожалению. Смотри мне, не шали, мальчик...

«Пришли... Кто бы это мог быть? Почему я не услышал звонка? Наверное, задумался... И потом, что это батя так резко повеселел, а его взгляд стал очень уж хитрым и многозначительным?» Глеб с удивлением уставился на входную дверь. А когда в дверном проеме показался посетитель, градус удивления в организме Тихомирова-младшего вообще зашкалил.

На пороге кабинета стояла давешняя девушка.

Глава 3. Генрих Штаден

Лекарь Бомелиус сидел в своей небольшой комнатушке, очень похожей на монашескую келью, и убористым почерком писал первое донесение сэру Уолсингему:

«...Россия изобилует землей и людьми. Русские рыбаки большие мастера по ловле семги, трески и другой рыбы; у них много рыбьего масла, которое мы называем ворванью. Русские также ведут крупную торговлю вываренной из воды солью. В северной части Московии находятся места, где в изобилии водится пушнина – соболя, куницы, бобры, черные и рыжие лисицы, выдры, горностаи и олени. Там добывают рыбий зуб; рыба эта называется морж. Ловцы ее живут в месте, называемом Пуст-озеро. Они привозят рыбий зуб в место, называемое Холмогоры. Там в Николин день бывает большая ярмарка.

К западу от Холмогор есть город Новгород, где растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень много воска и меда. Голландские купцы держат там большие склады. В Новгороде очень много кож, равно как и в городе, называемом Псковом. Кроме того, в Пскове много льна, конопли, воска и меда; город этот находится от Холмогор в 120 милях.

А еще есть там город, называемый Вологда; тамошние товары – сало, воск и лен, но там их не так много, как в Новгороде. От Вологды в Холмогоры течет река, называемая Двиной, которая за Холмогорами впадает в море. Холмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву и все окрестные области солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля – 200 миль, это очень большой город. Тамошние товары – кожа, сало и хлеб. Есть и воск, но его не так много, как в других местах.

Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Сама Москва очень велика. Мне кажется, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями. Но Москва построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении. Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича. Говорят, что стены эти толщиной в 18 футов³⁹, но я не верю этому, они не кажутся такими. Впрочем, я не знаю этого наверно, так как ни один иностранец не допускается к их осмотру. По одну сторону замка проходит ров; по другую – река, называемая Москвой, текущая в Татарию и в море, называемое Каспийским. С северной стороны расположен нижний город; он также окружен кирпичными стенами и, таким образом, примыкает к стенам замка.

За рекой отец нынешнего государя Василий выстроил для своих телохранителей и для разных иностранцев, а именно, поляков, германцев и литовцев (которые от природы привержены Вакху), город Наливки, получивший название от налитых кубков. Там у всех иностранных солдат и пришельцев, а также у царских телохранителей имеется полная возможность всячески напиться, что москвитам запрещается под страхом тяжкого наказания, за исключением нескольких дней в году: в день Рождества и Воскресения Господня, в праздник Пятидесятницы и в некоторые торжественные праздники святых, особенно же Николы, которому воздают почти божеские почести, Пресвятой Девы Марии и в праздники Петра и Иоанна.

Московиты никогда не забывают перед монастырем, церковью или перед изображением креста, которое находится почти на каждом распутье, слезши с коня или вышедши из саней, стать на колена и трижды оградить себя крестным знамением, произнося: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй“. И вообще во всех делах своих московиты весьма рели-

---

³⁹ Фут – британская, американская и старорусская единица измерения расстояния равная 30,5 см. 1 фут = 12 дюймов = 1/7 сажени = 1/660 фулонга = 30,5 см. В Древнем Риме фут равнялся 29,6 см.

гиозны. Они не выходят из дома, не сотворив трех поклонов, не оградив своего чела крестом и не произнеся трижды „Господи помилуй“ пред иконою.

Святых москвиты почитают с величайшим благочестием. Святой Николай – главный их покровитель, и иконы его пользуются в Москве величайшим почитанием. Иоанн Васильевич утром каждого дня посылает в монастырь этого святого обильный запас пищи; она разделяется между причтом, который непрестанно поет псалмы и молит Бога, чтобы он хранил царя невредимым.

Царь Иоанн Васильевич живет в замке, в котором есть девять прекрасных церквей и при них духовенство. Там же живет митрополит с различными епископами. Замок, в котором находится царский дворец, отделен от прочих частей высокой и толстой кирпичной стеною, имеющей в окружности 2900 шагов. В нем находятся многие прекрасные дома дворян, различные торговые площади, много церквей, как-то: церковь Архангела Михаила, в которой погребают великих князей, церковь Благовещения с девятью башнями, коих крыши, равно как и всей церкви, покрыты вызолоченной медью, а крест на самой высокой башне сделан из чистого золота. Иван Великий – колокольня с позолоченною крышею, и со многими колоколами, из коих один весьма огромен, весом в 2200 пудов, что составляет 66 000 наших фунтов⁴⁰...»

За стеной раздался шорох, и Бомелиус, нервы которого и так были напряжены до предела, вздрогнул. Он быстро прикрыл свою писанину куском холстины, не отрывая взгляд от двери, но вслед за шорохом послышался мышинный писк, и лекарь облегченно перевел дыхание. Чтобы совсем успокоиться, лекарь налил в бокал романаи⁴¹ и выпил одним духом – как пьют москвиты. Затем подошел к двери и проверил, хорошо ли он наложил засов. Бомелиусу все казалось, что вот-вот в комнату ворвутся одетые в грубое монашеское платье полицейские русского царя и потащат его в пыточную. За что? А мало ли...

Пожив немного в Москве, лекарь уже знал, что царские опричники могли арестовать любого – виновного или невинного – в любое время дня и ночи, невзирая на чины и звания, а государев суд был короток и обычно заканчивался смертным приговором. Но перед этим несчастных долго пытали. Бомелиусу еще не довелось видеть застенки москвитов, но он совершенно не сомневался, что это сущий ад даже по сравнению с пыточным подвалом замка Тауэр.

Вино добавило бодрости, рассеяло страхи, и Бомелиус снова принялся за составление своего первого донесения:

«Военным людям представлено право владения крестьянами, поселянами и горожанами, которых они называют чернью. Мастеровые и ремесленники не получают значительной прибыли от трудов своих. Иногда, во времена дороговизны съестных припасов, они берут за работу свою столь малую плату, что едва могут прокормить себя, как бы умеренно ни жили. Горожане и купцы платят большие подати...

Состояние женщин нехорошо, ибо всякая, если не живет запершись дома, не почитается честною и добродетельною, и потому они почти никуда не выходят, прядут нитки, ткут холст. У женщин во всеобщем употреблении притиранья и румяна, дабы скрыть природные недостатки. На Руси не считается за бесчестие белиться и румяниться, напротив, мужья охотно делают издержки на сию прихоть жен своих. К одеянию мужчин принадлежат зипун, кафтан, ферязь, охабень, однорядка, а к одеянию женщин – сарафан, шапка земская, опашень, летник, ферязь земской.

---

⁴⁰ Фунт – в английской системе мер стандартный американский и английский фунт равен 16 унциям, или 453,6 гр.

⁴¹ Романаея – сладкая настойка на фряжском (красном бургундском) вине; в допетровской Руси – привозившееся из-за границы виноградное вино высокого качества.

...Монет в России четыре рода: московки, новгородские, тверские и псковские. Московская монета не круглая, но продолговатая и почти овальной формы, называется „денга“⁴² и имеет различные изображения. На древнейшей с одной стороны изображена роза, а с другой – человек, сидящий на лошади; другие с обеих сторон имеют надписи. Шесть таковых монет составляют алтын, 20 – гривну, 100 – полтину, 200 – рубль, который на наши деньги равняется 6 флоринам⁴³.

Тверская монета имеет с обеих сторон надпись, а цена ее равна с московской. На монете новгородской с одной стороны изображен князь, сидящий на престоле, и пред ним кланяющийся человек, а с другой стороны надпись. Монета сия вдвое дороже московской. Гривна новгородская содержит в себе 14, а рубль – 222 деньги. Псковская монета с одной стороны представляет воловью голову в короне, а с другой – надпись. Кроме того, у псковитян есть еще медная монета, называемая „полани“ (полушка); 60 таковых монет равняются ценою московской денге.

Золотых монет русские сами не чеканят, но употребляют по большей части венгерские, а иногда и рейнские и часто переменяют им цену. По причине соседства употребляют также и рижские рубли, из коих каждый равняется ценою двум московским. Монета московская делается из чистого хорошего серебра, хотя иные бывают иногда с примесью.

Почти все московские золотых дел мастера чеканят монету. Кто принесет слиток чистого серебра и пожелает получить за него монет, тогда взвешивают монеты и серебро и таким образом платят равное количество...»

Где-то ударили в колокола, и толстые стены здания завибрировали; Бомелиус болезненно поморщился. Привычка московитов и радости и беды сопровождать колокольным звоном выводила его из себя, заставляла сильно нервничать. Когда он сказал об этом своему коллеге доктору Арнульфусу Линдсею, который недавно возвысился (черная болезнь ему в печень!), стал лейб-медиком царя Иоанна Васильевича, тот усмехнулся и ответил: «Русские говорят, если на человека плохо действует звук колокола, значит, внутри его сидит бес».

На этом разговор и закончился. Но с той поры Бомелиус, засыпая, начал видеть разные непотребные картинки: зеленых карликов, которые плясали у него на животе, зазывно подмигивающих голых женщин в чешуе и с рыбьим хвостом, плескавшихся в кадках русской общественной бани, черных мавров с острыми белыми зубами, разжигавших костер под его пятками.

А однажды лекарю приснилось огромное чудовище, одновременно похожее и на козла и на человека. Увидев Бомелиуса, рогатый монстр расхохотался и насадил его на золотые двузубые вилы – точно такие, какими пользовался Иоанн Васильевич во время застолий, только гораздо большего размера. Боль от укусов была настолько явственной, что лекарь, у которого напрочь пропал сон, даже смазал со стенаниями больные места специальной обезболивающей мазью собственного приготовления.

Колокол отзвучал, и в комнате-келье снова воцарилась почти могильная тишина. Над Москвой вставал ясный рассвет, но Бомелиусу в узкое оконце был виден лишь кусок серого неба.

⁴² Денга – с конца XVIII в. слово «денга» стали писать как «деньга». Д. – серебряная русская монета XIV–XVIII вв., чеканка которой начата в Москве в конце XIV в., а с начала XV в. – и в других русских княжествах. Кроме Д., чеканилась полуденга (полушка), а в Новгороде и Пскове – четвертка, равнявшаяся 1/4 веса местной Д. С 1534 г. начали чеканить серебряную монету вдвое тяжелее Д. – «новгородку», которая позднее получила название копейки (по изображению на ней всадника с копьем). Из гривенки серебра чеканилось 300 копеек весом около 0,68 г и 600 Д. весом около 0,34 г каждая. Таким образом, с 1534 г. 100 «новгородок» составляли московский счетный рубль. Позднее копейка вытеснила из обращения Д., но народ еще и в XVII в. называл копейку «двумя денгами».

⁴³ Флорин – высокопробная золотая монета сначала Флоренции, затем ряда европейских стран; золотые Ф., чеканенные Венецией с 1284 г., получили название дукатов. В нашем случае Ф. – это английская золотая монета, введенная в 1343 г. Эдуардом III (1327–1377) по французскому образцу. Вес монеты – 6,998 г (6,963 г золота).

Добавив в каламарь чернил и сняв со свечей нагар, лекарь снова взялся за свой нелегкий труд. Он не любил писанины и никогда не отличался успехами в эпистолярном жанре, поэтому даже рецептуру создаваемых им мазей и настоек Бомелиус записывал мало понятными закорючками, похожими на пиктограммы. Но донесение Уолсингему было гораздо важнее всех рецептов, вместе взятых, и лекарь, наступив на горло своей песне, усердствовал как монах-писец, копирующий старинные тексты, – тщательно выводил каждую букву и старался, чтобы рядки были как можно ровнее.

«...За речкой Неглинной на поле, называемом Нарбат⁴⁴, в расстоянии полета стрелы от крепости, Иоанн Васильевич выстроил в 1565 году обширнейшее подворье, которое называется Опричина, – то есть, особое жилище, где сам государь пребывает с многочисленным отрядом своих приспешников, отобранных из самых сильных мужчин, которых он держит для своей охраны, как турок-янычар. Их у него почти двадцать тысяч, и из них большая часть стрелки с длинными пищалями; остальные наступают с копьями и луками, вооруженные пиками и кольчугами.

Какие бы товары ни привозились в Московию из-за границы, обо всех надо объявлять у начальника таможни и показывать; и они рассматриваются в установленный час и оцениваются, после же оценки никто не осмеливается ни купить, ни продать, если прежде они не будут показаны великому князю. Это ведет к тому, что купцы дольше, чем следует, задерживаются и терпят убытки. Когда же из Литвы в Московию отправляются послы от короля Польского, тогда все купцы разных наций, принятые послами под свое покровительство, могут идти в Московию без таможенников и имеют достаточное содержание из казны великого князя Московского.

В Московию ввозятся следующие товары: сукно всякого сорта и цвета, шелк и шелковые одежды, затканые золотом или серебром, драгоценные камни, золотые нитки, жемчуг и всякого рода драгоценные металлы. Кроме того, перец, шафран, имбирь и прочее.

Сама Московитская провинция не очень обширна и не слишком плодородна, так как почва повсюду песчаная. К этому добавляется неумеренная и часто суровая неустойчивость климата, ибо вследствие суровой зимы посевы не вызревают. Даже ветки фруктовых деревьев иногда совершенно погибают в суровые зимы. Да и людей, окоченевших от холода, часто находят мертвыми под открытым небом в телегах; мало того, лесные медведи, гонимые голодом, и то покидают леса, разбегаются по соседним деревням и врываются в деревенские дома. И такой чрезмерный холод сменяется в свое время засушливым летом, так что иногда пруды и реки совершенно пересыхают от чрезмерного зноя. Луга и хлеба иногда выжигает как огнем. Но такой страшный зной свирепствует обычно не более семи дней.

В этой провинции мало меда и диких зверей, за исключением зайцев, которых в ней водится невероятное количество. Хлебом и местными овощами она изобилует, вишен же нигде нет во всей округе, а плоды других деревьев хотя и имеются, но невкусные...»

В животу вдруг заурчало, и увлекшийся литературными экзерсисами Бомелиус почувствовал, что сильно проголодался. Он взял с блюда большой медовый пряник и съел его, макая в вино. Сытость привела лекаря в благодушное настроение, и он начал описывать самый запомнившийся ему момент в его московской жизни:

«...Когда наступил час ехать мне ко двору, явился пристав. Я был проведен в палату, где обыкновенно сидит один из дьяков, в сопровождении двух дворян. Я прождал долгих три часа, прежде чем меня позвали к Иоанну Васильевичу. Я поднялся наверх по двум лестницам в обширную комнату, где находилось много людей в дорогих одеждах. В дверях меня встретили два царских советника. Они представили меня Иоанну Васильевичу и провели на середину палаты, где я должен был через посредство толмача рассказать о цели моего приезда и передать советникам свои документы.

⁴⁴ Нарбат – Арбат.

Царский трон возвышается над полом на две ступеньки, и его убранство выделялось блеском и великолепием. Вотканные драгоценные камни с удивительным искусством украшали золотую одежду Иоанна Васильевича. С его плеч спускался плащ, сделанный таким же образом. Каждый палец украшали по два-три перстня с оправленными в них большими драгоценными камнями. Был у Иоанна Васильевича в руках и серебряный жезл, отделанный золотом и драгоценными камнями. Московиты называют его посох. Мягкие сапоги, загнутые наподобие клюва, также украшены драгоценными камнями (у них нет в употреблении сапог со шпорами). На великом князе были две цепи, состоящие из чередующихся золотых шариков и больших драгоценных камней. Одна спускалась на грудь, а на другой, более короткой, висел золотой крест длиной в ладонь и шириной в два пальца.

После моего доклада Иоанн Васильевич пригласил меня на пир. Это была большая честь для меня и знак доверия. Меня провели в огромную палату, где стояли длинные столы в три ряда. Для Иоанна Васильевича и его фаворитов были накрыты особые столы в конце палаты. Гости сидели на широких скамьях, покрытых бархатом и парчой, а царь – в высоком, убранном жемчужными и алмазными кистями резном кресле со спинкой в виде золоченого двуглавого орла с распростертыми крыльями, украшенного драгоценными камнями.

Из посуды на столах, кроме золотых солонок, перечниц и уксусниц, серебряных ложек и ножей, ничего не было. Ножи московитов вовсе не напоминают наши. Это довольно большие и острые кинжалы с заостренными концами, которыми удобно было выковыривать мозг из костей. Из яств стояли только деревянные расписные тарелки с черной икрой, блюда с холодным мясом, соленая и заливная красная рыба, соленые огурцы и сливы, соленые грибы, а также кислое молоко в деревянных чашах. Каждому гостю подали расшитый плат для утирки, а кроме одного, на стол положили капустные листья, с помощью которых удобно снимать налипший на пальцы жир или соус.

Когда появился царь, все встали и низко поклонились ему. Царь прочитал вслух длинную молитву, перекрестился, благословил трапезу и сел. Все, кроме кравчего и шести стольников, последовали его примеру. Множество слуг в парчовых кафтанах с золотыми цепями на груди и в черных лисьих шапках поклонились царю в пояс и отправились за кушаньем. Вскоре они возвратились, неся больше сотни жареных лебедей на золотых блюдах. Этим начался обед.

Иоанн Васильевич, пока не было подано кушанье, пил вино с пряностями, затем слуги по существующему порядку подали ему все тарелки, и он начал распределять их среди гостей. Первое блюдо царь послал князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, который принял его как величайшую честь; в это время все гости встали. А так как число блюд было бесконечным, то и вставаниям не было конца.

Пир обслуживали крайчий⁴⁵, чашник и чарошники. Они подавали за столами ковши или чаши, кому государь приказывал. Поднося знатному боярину ковш с вином, именовали его с прибавлением „ста“ или „су“, например, если имя вельможи Григорий, то говорили: „Григорий-ста! Великий государь жалует тебя чашею“. Тот, приняв ее, выпивал стоя и кланялся, а подносящий докладывал царю: „Григорий-ста выпил чашу, челом бьет“. Менее знатных именовали „Григорий-су“, остальных – просто Григорий.

Мне тоже поднесли чашу и назвали меня „Елисей-су“. Это были для меня большой честью.

Когда гости уже доедали лебедей, слуги вышли попарно из палаты и немного погодя внесли на носилках тушу оленя, зажаренного на вертеле. Затем, спустя какое-то время, снова удалились и возвратились с блюдами, на которых лежали жареные павлины, индейки, гуси, тетерева, подкрашенные сливой, жаркое из рябчиков, окрашенное под лимон, лоб свиной,

---

⁴⁵ Крайчий – название придворного кравчего (должностного лица, ведающего царским столом) или форшнейдера (в старой Польше); встречается с 1423 г. Кроме К. придворных был еще государственный К.

плечо баранье, лососина с чесноком, зайцы в рассоле, буженина, гусиные потроха, куры на вертеле и бараньи головы.

(К моему огромному удивлению, бараньи головы были самым торжественным блюдом, предназначенным лишь именитым гостям. Как мне потом объяснили, голова, отваренная в воде с пряностями и поданная с хреном, смешанным со сметаной, считалась самым лакомым блюдом. Самому дорогому гостю предоставлялось право срезать кусочки мяса и раздавать их лишь тем, кто был мил его сердцу или же по дипломатической необходимости.)

Затем последовали расстегаи, кулебяки, курники⁴⁶, пироги с бараниной, блюдо пирогов кислых с сыром, блюдо блинов тонких, блюдо пирогов с яйцами, блюдо сырников, блюдо пирогов рассольных, блюдо пирогов подовых, каравай яицкий, кулич недомерок... (Название всех этих блюд я потом разузнал у крайчего.)

Пока гости ели, слуги разносили ковши и кубки с медами – смородиновым, вишневым, малиновым, черничным, ежевичным, княжим и боярским. Чашники и чарошники подавали разные иностранные вина: романею, немецкое ренское из мозельских виноградников, мальвазию⁴⁷, мушкатель⁴⁸ и хлебное вино, сиречь, водку – анисовую, настоящую на корице, и боярскую.

Блюда для государя расставлялись на особом столике. Он был серебряным с позолотой, покрытый скатертью, сотканной из тончайших золотых и серебряных нитей.

Касательно предосторожностей с едой для великого князя. Этот вопрос занимал меня больше всего. Как я узнал позже, в поварне еду пробовал на глазах стряпчего или дворецкого повар, готовивший это блюдо. Затем охрана блюда возлагалась на самого стряпчего, который надзирал за ключниками, несшими поднос к столу. Еда расставлялась на кормовом поставце, где каждое блюдо отвеживал уже тот самый ключник, что принес его. Затем пробу снимал дворецкий и лично передавал миски и вазы стольникам. Стольники стояли с блюдами у входа в столовую, ожидая, когда их вызовут. Из их рук кушанья принимал крайчий – охранитель стола. Только ему доверялось подавать еду государю. Причем и он также на глазах у Иоанна Васильевича пробовал с каждого блюда и именно с того места, которое указывал государь.

Аналогичная ситуация происходила и с напитками. Прежде чем вина доходили до чашника и попадали на питейный поставец, их отливали и опробовали ровно столько раз, в скольких руках они побывали. Последним, на глазах царя, пробовал вино чашник, отливая себе из государева кубка в специальный ковш.

Однако самое большое удивление я испытал, когда на столах появились исполинские рыбы, пойманные в северном море. Мне растолковали, что их привозят живыми, в огромных бочках, высланных водорослями. Рыбы эти едва умещались на серебряных и золотых тазах, которые внесли в палаты несколько человек разом. Хороши и вкусны были также зайцы в лапше, и гости, как уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепелов с чесночною подливкой, ни жаворонков с луком и шафраном.

Потом на столы поставили разные студни, за ними журавлей с ароматными травами, петухов с инбирем, куриц и уток с огурцами, журавлей под взваром в шафране, зайцев в рассоле, лососину с чесноком, жареных карасей в сметане. За карасями принесли разные супы и

---

⁴⁶ Курники – закрытый, куполообразный пирог; обычно ему придавали форму «шапки Мономаха». Для царского стола К. готовили из двух видов теста – сдобного и слоеного. Начинку в К. принято делать в несколько слоев: из припущенного риса, заправленного маслом с добавлением рубленых яиц, отварной курицы, порезанной мелкими кусочками с густым молочным соусом, жареных грибов, опять курицы и снова риса. Каждый слой перекладывали блинчиками. К. украшали орнаментом из теста.

⁴⁷ Мальвазия – натуральное вино с островов Эгейского моря; русские летописи отмечают М. как первое заморское вино. Привезена в XI в. и до XIII в. оставалась на Руси единственным виноградным вином. Лучшую мальвазию изготавливали на острове Крит, и она была, по-видимому, одним из самых древних вин в мире.

⁴⁸ Мушкатель – киликийское мускатное вино.

похлебки – юрму⁴⁹, сдобренную черным перцем и шафраном, калью⁵⁰ с красной рыбой и икрой и уху курячью белую. Суп и уху подали в одной глубокой миске на двоих, и мне пришлось хлебать из одной посуды с соседом по столу, что было отвратительно.

В завершение пира слуги внесли в палату громадную сахарную голову, которая была значительно больше головы человеческой и весила несколько пудов, сладкие пирожки, медово-ягодные пряники, сладкие левишники⁵¹, яблочную пастилу, цукаты, варенья, причем не только из ягод, но и из овощей – морковь с медом и имбирем и редьку в патоке. Между сладостями возвышались груды фруктов и ягод, а также волошских орехов...

Завершился пир раздачей пряников и венгерских слив. Иоанн Васильевич лично раздавал гостям сушеные сливы, одаривая кого парой, а кого и приличной горстью этого яства. А домой всем присутствующим на пире полагалось блюдо мяса или пирогов...

У Бомелиуса пересохло во рту и лекарь потянулся за кувшином с романеей, но он оказался пустым. Лекарь в раздражении выругался, встал и пошел в угол своей «кельи». Там, вместо корчаги с водой, стоял небольшой бочонок с хорошо выдержанным медовым квасом. Зачерпнув жбаном пенистый напиток, Бомелиус сделал несколько глотков и сплюнул с отвращением.

«То ли дело добрый английский эль⁵²!» – подумал с ностальгией, возвратился к столу и снова взялся за перо. Но не успел написать и строчки, как в дверь громко и требовательно постучали.

Бомелиус от неожиданности икнул и оцепенел. Святая пятница! За ним пришли!!!

– Элизиус, отворяй! Свои... – раздался за дверью веселый хмельной голос.

Лекарь с облегчением перевел дух и открыл дверь. В комнату не вошел, а ввалился коренастый малый в дорогом бархатном кафтане с золочеными пуговицами и красных сафьяновых сапожках. В одной руке он держал запечатанную воском большую пузатую бутылку темного стекла, а в другой – свиной окорок. Это был царский опричник из иноземцев, Генрих Штаден. Царь пожаловал ему село Тесмино, а еще он держал весьма доходную корчму.

С некоторых пор опричник сильно сдружился с лекарем и часто навещал его – чтобы поболтать о том о сем, не опасаясь доноса, удариться в ностальгические воспоминания о родных краях. Генрих Штаден родился в Алене, который находился в трех милях от столицы Вестфалии Мюнстера, так что они были земляками. Кроме него в опричнину были записаны еще три иноземца: лифляндские дворяне Иоганн Таубе и Эларт Крузе, а также бывший ланддрост⁵³ города Петерсгагена и доктор права Каспар Эльферфельд. Но с ними Генрих Штаден боялся откровенничать (особенно с Эльферфельдом) и почти не общался.

«...Каспар Эльферфельд еще до меня был при опричном дворе великого князя, – объяснил однажды Генрих Штаден причину своей нелюбви к доктору права. – Он видел, как я, живя в земщине, наживал большие деньги корчемством, а потому решил отнять их от меня и устроил следующее. Каспар взял сундук, положил туда несколько платьев и других вещей, взвалил все это на сани, запряг лошадей и послал с санями на мой двор двух своих слуг. Они остановились у меня и стали пить.

⁴⁹ Юрма – суп, уха; в Ю. рыба (стерлядь, осетрина, лосось) отваривалась в курином (индюшачьем, куропаточьем, рябчиковом) бульоне, или оба бульона – рыбный и куриный – смешивались, и в этой смеси вторично отваривались куски и рыбы, и птицы (в основном чистое филе птицы или кнели из ее мяса). Наряду с рыбой и птицей в Ю. варились и дикие растения – дикий лук (колба), черемша, сарана, листья крапивы, кислицы, петрушки, кервеля, укропа.

⁵⁰ Калья – распространенное в XVI–XVII вв. рыбное первое блюдо, похожее на рассольник. Готовят его в основном так же, как и уху, но в бульон для К. добавляют соленые огурцы, огуречный рассол, лимоны и лимонный сок, либо каждый в отдельности, либо вместе взятые.

⁵¹ Левишники – русская национальная сдоба, которую изготавливали из тщательно протертых ягод брусники, черники, вишни или земляники, высушенных тонким слоем на солнце.

⁵² Эль – крепкое горькое пиво, производимое быстрым верховым брожением при относительно высокой температуре.

⁵³ Ланддрост – судья.

Тем временем Каспар Эльферфельд поехал на Судный двор и бил челом судье, будто бы люди его, выкравши у него несколько тысяч талеров⁵⁴, сбежали со двора. А теперь-де он узнал, где они укрылись. Пусть судьи дадут ему, как полагается, целовальников и приказных. Когда Каспар Эльферфельд пришел на мой двор, то целовальники и приказные конечно же нашли и слуг, и сани с лошадьми. Меня как раз не было дома, поэтому целовальники и приказные забрали моего слугу Альбрехта и поволокли его на Судный двор.

Там Каспар начал свою жалобу: „Государи мои! Слуги украли у меня 2000 рублей и с ними укрылись во дворе вот этого человека, где я и нашел их в присутствии целовальников. Давай мне назад мои деньги!“. Но Альбрехт отвечал: „Нет у меня твоих денег!“. „Твой господин, – продолжал Эльферфельд, – держит корчму и много там бывает убийств“. „Позвольте мне, – возразил мой дворецкий, обращаясь к судьям, – пройти на двор господина Эльферфельда. Я хочу доказать, что у него в подклетьях под полом лежат мертвые тела“. Тогда Каспар струсил и пошел на попятную.

Узнав об этом, я нисколько не испугался, ибо знал, что Альбрехт действительно докажет сказанное. Я быстро собрался, поехал, сам стал на суд и обратился к боярам: „Вот здесь я сам! Отпустите моего дворецкого“. Бояре сказали нам обоим: „Договаривайтесь друг с другом“. Мой дворецкий был освобожден, оправдан и отпущен, а я поехал вместе с Эльферфельдом на его двор.

Я хорошо знал, что пока я в земщине, то проиграю всякое дело. Поэтому, обратившись к Эльферфельду, я сказал: „Любезный земляк! Я прошу вас дружески, возьмите у меня сколько вам угодно, и оставайтесь моим приятелем“. „А сколько же вы готовы дать?“ – спросил тот. „Двести рублей“, – ответил я. Этим он и удовлетворился. „Однако, – продолжал я, – у меня нет сейчас таких денег“. „Так напишите расписку – я готов подождать год“.

Я написал ему расписку и приветливо передал ее, хотя в душе у меня все кипело. Затем мы оба поехали на Судный двор, поблагодарили бояр, и Эльферфельд сказал им, что он удовлетворен. Я заплатил сколько нужно судебных издержек, после чего мы разъехались. Он радовался, но и я особо не печалился. Каспар мечтал о том, как получит мои кровные денежки, а я строил планы, как бы мне его задушить. После этой истории я и вступил в опричнину...»

– Почему такой хмурый? – спросил опричник, водружая кувшин и окорок на стол (Бомелиус успел спрятать и чернильницу, и бумаги).

– Есть причина... – немного поколебавшись, ответил лекарь.

– Расскажи.

– Как-нибудь после...

– Понял... – Штаден коротко хохотнул. – Что ж, приступим. Ты, чай, голоден?

– Так ведь это не у меня, а у тебя имеется корчма, где ни свет ни заря подают хлёбово, – козырнул Бомелиус своими познаниями в русском языке.

– И то верно. Тогда садись, выпьем и закусим, чем Бог послал.

– А это что? – показал Бомелиус на бутылку.

– О-о... – простонал Штаден от переизбытка чувств. – Это английский джин⁵⁵!

– Откуда?! – удивился лекарь.

– Иоганн Таубе презентовал.

– А он где взял?

---

⁵⁴ Талер – большая серебряная монета, эквивалент золотого гульдена. Т. начал чеканить в 1484 г. эрцгерцог Тироля Сигизмунд из серебра 937,5-й пробы весом в 29,232 г. С 1518 г. граф Шлик в Иохимстале в Богемии начал систематически выпускать серебряные гульдены (гульденгроши). С 1525 г. их стали называть иохимсталерами.

⁵⁵ Джин – можжевельниковая водка; изготавливается путем перегонки пшеничного спирта и ягод можжевельника. Изобретение джина приписывается жившему в XVI в. голландцу Франциску Сильвиусу – профессору медицины Лейденского университета.

– Не слишком ли много вопросов прямо с утра, любезный Элизиус? – хитро прищурился Штаден. – Ладно, другому не сказал бы, а тебе скажу. Джин ему привезли польские послы. Но вообще-то, сдается мне, Таубе вскоре покинет Московию...

– Что так?

– Мой верный Альбрехт узнал от его слуг, к которым вошел в доверие, что у хитроумного Иоганна Таубе вроде есть какие-то связи с приближенными польского короля Сигизмунда. И будто бы они подбивают его сменить сюзерена. Естественно, не без солидной материальной выгоды.

Бомелиус невольно прикусил нижнюю губу. Таубе, идиот, сукин сын! Если этот лифляндский дворянчик, агент Уолсингема, сбежит в Польшу, под крыло Сигизмунда, то тогда он останется без связи. Это в лучшем случае. А в худшем... бр-р!.. У лекаря пошел мороз по коже.

Он вдруг вспомнил, что ему рассказывал про страшную кончину дьяка Висковатого⁵⁶ доктор Ричард Рейндольс, который работал в России с 1567 года. Если Таубе поймают и начнут пытать в Разбойном приказе⁵⁷, он, чтобы спасти свою шкуру (или хотя бы избавиться от нечеловеческих мук), первым делом укажет на Бомелиуса, как на агента королевы Елизаветы. Ведь только ему одному известна связь лекаря с тайной королевской службой.

– Думаю, что все это пустая болтовня. Сплетни, – поморщившись, ответил Бомелиус. – Многим хочется навести навет на опричников, в особенности иноземных.

– Это да, – помрачнев, согласился Штаден. – Бояре почти все неровно на нас дышат.

– Вот и я об этом. Ну и чего мы ждем, дорогой Генрих? – При виде окорока у голодного лекаря начался желудочный спазм. – Откупоривай бутылку...

Джин и впрямь оказался превосходным. Бомелиусу даже на какой-то миг показалось, что он находится в любезной его сердцу Англии. Что касается Генриха Штадена, то он и вовсе расслабился и стал рассказывать такие вещи, о которых в трезвом виде поведал бы лишь под пыткой.

– ...Когда великий князь Иоанн Васильевич отправился в Псков, я решил больше с ним не ездить и незаметно отстал от войска. Набрал я всякого рода слуг, особенно тех, которые были наги и босы, одел их, накормил, дал оружие. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал собственные походы и повел своих людей назад, внутрь страны, по другой дороге. За это мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то расспрашивали, где можно разжиться деньгами и добром, а в особенности хорошими конями. Если же взятый в плен не хотел отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так мне добывали они деньги и добро.

Однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились внутрь и начали грабить – забирали иконы и разную церковную утварь. А было это неподалеку от двора одного из князей, и земских собралось там около 300 человек. Они как раз гнались за шестерыми всадниками. Это были опричники. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских.

Когда те увидели, что из церкви двинулось на них так много народа, они повернули обратно ко двору. Одного из них я тотчас уложил первым же выстрелом наповал; потом прорвался через их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались камни. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке. Наверху меня встретила княгиня, которая хотела упасть мне в ноги. Но, испугавшись

---

⁵⁶ Висковатый Иван Михайлович (ум. в 1570 г.) – московский дипломат XVI в., русский государственный деятель, посол, думный дьяк, хранитель государственной печати. Висковатого обвинили в том, что он будто бы сносился с польским королем Сигизмундом, хотел предать ему Новгород, писал султану, чтобы он взял Казань и Астрахань, и звал крымского хана опустошать Россию.

⁵⁷ Разбойный приказ – в состав приказа входили боярин или окольничий, дворянин и два дьяка. Приказ заведовал делами о разбоях, грабежах и убийствах, палачами, тюрьмами; ему были подчинены губные старосты; он занимался о поимке убийц, воров и разбойников. Ведомство разбойного приказа простиралось на всю Россию, кроме Москвы.

моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей... хе-хе... М-да... – На обветренном раскрасневшемся от выпитого джина лице Генриха Штадена появилась сальная ухмылка. – После этого похода я возвратился к себе в село Новое, а все добро отослал в Москву. Когда я выехал с великим князем, у меня была лишь одна лошадь, вернулся же я с 49, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра.

Генрих Штаден снова налил себе джина и выпил. Отрезав засапожным ножом добрый кус окорока, он проглотил его мигом, как голодный волк, и продолжил, вытирая сальные пальцы о полы кафтана:

– Когда великий князь прибыл в Старицу, был сделан смотр, чтобы ему знать, кто остается при нем и крепко его держится. Тогда-то Иоанн Васильевич и сказал мне: «Отныне ты будешь называться Андрей Володимирович». Частица «вич» означает у московитов благородный титул, если ты еще не знаешь. С тех пор я уравнен в правах с князьями и боярами. Этими словами государь дал мне понять, что я рыцарь. После этого великий князь поехал в Александрову Слободу и распорядился там постройкой церкви. Я же не последовал за ним, а вернулся в Москву.

– Я слышал, что Каспар Эльферфельд недавно помер...

– Сдох, скотина. Бог наслал на него чуму. Зарыли как падаль. Но перед этим ему пришлось посидеть в тюрьме... – Штаден злобно ухмыльнулся. – Понятно, попал он туда не без моей помощи... Я приходил к нему в острог, и он предложил мне все свое имущество, лишь бы выйти на свободу. Я пообещал. Тогда Каспар уполномочил меня, а также моего любезного друга, ныне уже почившего в бозе, Адриана Кальпа вытребовать все его лари из английского подворья в Холмогорах, которые он, боясь пожара, спрятал там в каменном подвале. Когда я туда пришел, мне не отказали в выдаче и привезли все имущество на двор Адриана. Но я, ученый горьким опытом, опасался докторских штучек Эльферфельда. Лари и ящики были опечатаны и снабжены документами, и, чтобы убедиться в их содержимом, мы с Адрианом Кальпом все их вскрыли и произвели опись в присутствии свидетелей. Часть имущества Эльферфельда я оставил себе, а часть передал в казну. Что касается самого Каспара, то он остался гнить в тюрьме. Так я расквитался с ним за все свои обиды.

«Однако... – подумал Бомелиус. – С этим фруктом нужно ухо держать востро. Но все равно кому-то нужно довериться... Уолсингем далеко, от него помощи в моих делах ждать не приходится. Таубе тоже должен быть в стороне, вне всяких подозрений, это и так понятно. Остается только Генрих. Судя по тому, что он тут порассказал, у него есть верные люди, которые за полушку человека удавят. Придется заплатить... много серебра отсыпать. Что ж, заплачу, ни одно доброе дело не должно остаться без должной благодарности. И потом, если все получится, как я задумал, Генрих Штаден будет служить мне, как верный пес».

– Да, у всех свои трудности... – Лекарь немного помялся, но все-таки решился: – У меня вот тоже есть свой Каспар. Ужо я и так и эдак, но через него все равно не перепрыгнешь.

– Это кто же такой?

Бомелиус понизил голос до шепота, перегнулся через стол поближе к уху Штадена и сказал:

– Арнульф Линдсей, лейб-медикус государев...

– Вот те раз! – Опричник хлопнул ладонями по своим коленям. – Выходит, и среди вашего брата идет борьба за место под солнцем. А я-то думал...

– Выходит! – огрызнулся Бомелиус. – Линдсей только на травах знается, а я кроме этого могу предсказывать судьбы, могу излечить почти любую болезнь наложением рук, – душевной силой, имею склонность к алхимии... Поэтому пользоваться государя должен я, – я! – а не какой-то там Линдсей, от услуг которого отказалась королева Елизавета. К твоему сведению, чтобы

он не путался у нее под ногами и не кланялся себе доходное место для практики, она приняла мудрое решение – отослала его подальше от Лондона, в Московию.

– Но ведь есть еще и другие врачи – Ричард Рейнольдс, Ричард Ригерт...

– А! – Бомелиус небрежно отмахнулся. – Они чересчур молоды и не пользуются у Иоанна Васильевича большим доверием. Главная препона – Арнульф Линдсей.

При этих словах он поднял глаза на опричника и встретил его почти трезвый, холодный – нет, скорее оценивающий – взгляд. Лекарь сделал невинное лицо и приятно улыбнулся. Но Генрих Штаден не повелся на его игру. Он уже понял, куда клонит его земляк.

– Сколько? – спросил он деловито и напрямую.

– Ты о чем? – Бомелиус с деланным удивлением округлил глаза и захлопал ресницами.

– Брось... – поморщился Штаден. – Мне ты можешь верить. Выручить земляка – святое дело.

«Еще бы... – мелькнула мысль в голове Бомелиуса. – Ведь не бесплатно. К тому же иметь в ближайшем окружении царя заступника – что может быть лучше и надежнее для карьеры? Пройдоха...»

– Да, ты прав... твоя помощь мне и впрямь нужна.

– Сколько? – опять повторил свой вопрос Штаден. – Сколько ты заплатишь за то, чтобы освободилось место царского лейб-медика?

– Ну не знаю... Сам назови свою цену. Надеюсь, ты не будешь обдирать до нитки своего друга?

– Так ведь дело-то непростое и опасное...

– Кто бы спорил. Но все же, все же...

Бомелиус и Штаден торговались полчаса. При этом они ни разу не назвали имени доктора Линдсея; все и так было понятно. Ударив по рукам, заговорщики допили джин и покинули жилище лекаря. Бомелиус торопился к одному боярину, которого мучила язва желудка, а опричник направил стопы в свою корчму – посмотреть, как там идут дела. От лекаря он ушел не пустым – за пазухой у него лежала золотая чарка, царский подарок Бомелиусу.

Глава 4. Дарья

Картина получилась как в финале «Ревизора». Девушка тоже узнала Глеба; на какое-то время от неожиданности она потеряла дар речи и оцепенела. Девушка смотрела на Тихомирова-младшего словно кролик на удава и не могла сдвинуться с места.

Глеб быстрым движением вырубил компьютер, чтобы снять с экрана монитора изображение утерянной девушкой карты, и сказал:

– Милости прошу, мадемуазель! Что с вами? Э ву коман тале ву⁵⁸?

Тихомиров-младший, благодаря неумолимой настойчивости отца, выучил несколько языков, в том числе латынь и древнегреческий, и иногда, чтобы блеснуть своей нестандартностью и эрудицией, чисто по-мальчишески вставлял в свою речь где надо и где не надо иностранные фразы. Нужно сказать, что это иногда помогало сделать клиентов из буйного племени «черных» археологов более сговорчивыми. Тихомировы не только оценивали древние раритеты, но и кое-что (особо ценное) покупали – для своей коллекции и для перепродажи, на чем имели неплохой гешефт.

Девушка глубоко вдохнула воздух и ответила:

– Сёля ва сан дир⁵⁹. Все хорошо... Это вы?!

Теперь пришла очередь Глеба удивиться еще больше. Эта красотка знает французский язык! Вуаля! Интересно...

– Скорее да, чем нет, – сказал Глеб, приятно улыбаясь. – И потом, знаете ли, я не совсем понимаю, что значит «это вы»?

Он решил прикинуться валенком. Ничего не знаю, никакого конверта не видел, ничего не брал. Ему страсть как не хотелось отдавать этой странной девице древнюю карту. По крайней мере, до тех пор, пока он не исследует ее по всем правилам. Вдруг там есть какая-нибудь тайнопись, проявляющаяся, например, под воздействием тепла или химикатов. Такие вещи уже случались в его практике. И потом, зашифрованная надпись на карте...

Глеб был уверен, что девушка пришла за его находкой. Но как она так быстро смогла вычислить, кто взял карту, и узнать его домашний адрес?

– Не придуривайтесь! – сердито сказала девушка. – И, пожалуйста, не отрицайте, что это именно вы догнали вора, который украл у меня пакет.

Она уже успела взять себя в руки, и ее симпатичное загорелое лицо приобрело несколько надменное выражение. Судя по всему, девушка знала себе цену, но она была так высока, что не пришлось по карману ни одному молодому человеку – на руке гостьи не было обручального кольца.

Глеб про себя тяжело вздохнул – он терпеть не мог взбалмошных фифочек с их вечным недовольством и капризами. Увы, ради дела придется потерпеть...

– Да, это сделал я, – признался Глеб. – И должен вам доложить, раскаиваюсь в своем рыцарском поступке.

– Почему?!

– Я здорово рисковал (преступник мог иметь оружие), бил ноги, терял свое драгоценное время, а благодарности от вас так и не дождался.

Удивительное дело – девушка смутилась! Она вдруг залилась румянцем, что сделало ее еще привлекательней, покаянно опустила голову и ответила:

– Извините... Просто я была в шоке.

– Бросьте... Из-за каких-то бумажек... – забросил Глеб хитрую наживку.

---

⁵⁸ Э ву коман тале ву – у вас все в порядке (*фр.*).

⁵⁹ Сёля ва сан дир – само собой (*фр.*).

– Для меня эти бумаги представляют огромную ценность. Так что большое вам спасибо.

«Лучше позже, чем никогда... А карта-то, оказывается, не простая. Бумаги представляют огромную ценность... Не исключено. Это обнадеживает. Теперь я не признаюсь, что карта у меня, и под пыткой. Но самое интересное – похоже, девушка еще не в курсе, что конверт с картой пропал. Иначе она говорила бы по-другому. Тогда что ее привело ко мне?» – Глеб терялся в догадках.

– Присаживайтесь, – сказал он, указывая на кресло. – В ногах правды нет. Кстати, как вы насчет кофе?

– Вы подслушали мои мысли. С большим удовольствием.

– Отлично. Тогда передислоцируемся на кухню. Заодно и подкрепимся. Мне почему-то кажется, что вы еще не обедали.

– Да. И не завтракала, – призналась девушка. – Я к вам прямо с вокзала.

– Так уж и прямо?

– Ну... не совсем. Сначала я зашла в адресное бюро...

– Во как... Я так понимаю, вы хотели узнать мой адрес. Зачем?

– Мои знакомые рекомендовали вас как одного из самых толковых экспертов по древностям.

– Так вы на консультацию? – спросил Глеб и с облегчением вздохнул.

– Вроде того...

– Ладно, все дела потом. Сначала нужно ублажить мамону. Прошу... – Глеб галантно пропустил девушку вперед, и они зашли на кухню.

Кухня в доме Тихомировых была очень просторной, с высоким потолком и готическими витражными окнами. Она походила на поварню средневекового рыцарского замка, только была гораздо чище, уютней и светлей. Развешанные по стенам медные тазы, начищенные до блеска, старинная серебряная посуда в резном посудном шкафу, массивный дубовый стол и расписные изразцы невольно вызвали в памяти столь милое сердцу каждого русского патриота патриархальное прошлое.

В особенности хорошо и уютно было на кухне, когда приходили холода и разжигался камин.

– Как у вас тут здорово! – воскликнула восхищенная девушка.

– Правда?

– Честное слово! Это не кухня, это мечта каждой женщины. Я бы тут жила.

– Так в чем дело? Переезжайте к нам. Мы поставим вам диванчик возле камина – и живите на здоровье.

– Вы делаете мне предложение? – В черных глазах девушка заплясали лукавые чертики.

– Не смею даже мечтать об этом.

– Почему?

– Все очень просто. Мне кажется, что вы из той породы женщин, которые сами выбирают свою половину. Так что мое предложение будет лишь бесполезным сотрясением воздуха.

– Вы мне льстите... – девушка смутилась.

– Ни в коей мере. Кстати, – спохватился Тихомиров-младший, – мы ведь не познакомились. Меня зовут Глеб.

– Я знаю. Тихомиров Глеб Николаевич. А меня родители называли Дариной. Я родилась, когда им было под сорок, поэтому они посчитали меня подарком свыше. Не люблю это дурацкое имя. Где они только его откопали. Поэтому почти все кличут меня Дарьей.

– Дарина. По-моему, это замечательное, красивое имя.

– Не издевайтесь над бедной девушкой.

«Да уж... – с иронией подумал Глеб. – Бедная и беззащитная... Как же. Такой палец в рот не клади, отхватит вместе с кистью».

– Даже в мыслях не было! – сказал он проникновенно. – Ну что же, Дарья так Дарья... Располагайтесь, а я пока переквалифицируюсь в буфетчика.

Булочка в хлебнице уже изрядно зачерствела, но Глеб быстро нашел выход. Он порезал ее на кусочки, положил сверху сырокопченую колбасу каменной твердости, присыпал ее таким же железобетонным сыром, потертым на терке, сложил бутерброды в посудину, подлил в нее немного воды и поставил в микроволновку.

Когда тренькнул звоночек электронной чудо-печки, Глеб с некоторым сомнением достал свои творения, и кухня наполнилась удивительно приятными запахами, которые стали еще более насыщенными и аппетитными, когда Тихомиров-младший разлил по чашкам сваренный по «фирменному» рецепту кофе.

– Супер! – восхитилась Дарина-Дарья и принялась жадно жевать бутерброд, нимало не заботясь о том, как она выглядит со стороны. – М-м... Только мужчины могут за считанные минуты приготовить такую вкуснятину. Мне для этого понадобился бы минимум час.

Глеб изобразил смущение, как того требовал момент, и последовал ее примеру. На удивление, бутерброды получились потрясающе вкусными, а булочка стала такой мягкой, словно ее только что испекли.

После весьма скудного импровизированного обеда, больше похожего на завтрак, они опять вернулись в кабинет Глеба, прихватив с собой кофейник с кофе и чашки. Девушка вдруг стала серьезной и начала вести себя как прилежная ученица – заглядывала ему в глаза с обожанием; скорее всего, наигранным.

– Мне сказали, что вы большой знаток эпохи Ивана Грозного... – начала она издали.

– Вас неверно информировали. Просто однажды я имел неосторожность написать книжицу о пропавшей библиотеке Иоанна Васильевича, и с той поры меня начали считать большим спецом по XVI веку. Это не так. Есть люди гораздо более подкованные в этом вопросе. Так что вы пришли не по адресу. И тем не менее, я рад, что вы ошиблись. В кои-то веки мою холостяцкую обитель посетила фея.

Девушка зарделась, показав этим, как ей приятен комплимент «учителя», но упрямо продолжала гнуть свою линию:

– Пожалуйста, не приbedняйтесь. Меня проинформировали, что в данный момент вы работаете еще над одной книгой про Ивана Грозного. И заверили, что знаний о той эпохе у вас вполне достаточно, чтобы выступить в роли консультанта.

«Батя... – догадался Глеб. – Про новую книгу мог сказать только отец. Вот змей! Так и мылится, чтобы меня окольцевать. Внуки ему, видите ли, срочно понадобились... Похоже, эта Дарья здорово пришлась ему по душе, если он раскрылся перед ней как стручок перезревшего гороха».

– Ну что же, грузите... – с тяжелым вздохом ответил Глеб. – Если смогу ответить на ваши вопросы – отвечу. Ну а ежели нет – не обессудьте.

– Что вы думаете об аликорне? – осторожно спросила.

– Не понял... При чем здесь правление Ивана IV и рог единорога? Не вижу связи.

– Аликорн, или, как его еще называли, «копье», олицетворял силу, власть и торжество христианства. При Иване Грозном единорог стал личной эмблемой царя. В 1561 году его изображение появилось на малой государственной печати. А вы говорите «при чем здесь рог».

– Ну, насчет эмблемы я могу поспорить. В 1561 году Константинопольский патриарх Иоасаф утвердил соборной грамотой Ивана IV в царском сане, благословив «быти и зватися царем законно и благочестиво». Регалии «вселенского государя» требовали «утяжеления». По традиции символом великокняжеской власти являлись жезл и посох. Среди царских регалий уже имела одна, которая отражала воинствующий дух государя, – рогатина тверского князя Бориса Александровича. Скорее всего, эта рогатина стала подарком Ивану III к его свадьбе с Марией Тверской. Однако это великолепное оружие тонкой работы не привлекло внимания

Ивана Грозного. Ему захотелось иметь еще и аликорн. Почему? Он решил не отставать от европейских монархов, которые всерьез опасались за свою жизнь, так как сведения о поразительных ядах, изготовленных в алхимических лабораториях Борджиа и Медичи, подтверждались. (Иоанн Васильевич тоже опасался за свою жизнь, и, как потом выяснилось, небезосновательно.) Изобретательность алхимиков не знала границ: смертоносное зелье могло таиться не только в напитках и еде, но и в духах, косметике, тканях, бумаге, ювелирных изделиях...

У Глеба пересохло во рту; он одним глотком допил свой кофе и продолжил:

– Утопающий хватается за соломинку, поэтому торговцы быстренько раздули миф об аликорне, который якобы является панацеей от отравлений, и коронованные особы встали в очередь, чтобы приобрести рог за любую цену. Рог единорога ценился в двадцать раз дороже золота. Каково? Конечно же на всех аликорнов не хватало, поэтому в средние века, кроме пробователей пищи, различных териак⁶⁰ и безоаров⁶¹, появились еще и так называемые креденцы⁶². Креденец входил в сервировку стола для приема пищи. Специальной крышкой покрывали пищу и питье, после чего повар снимал пробу с подаваемых блюд. Внутри этой дорогой крышки находился кусочек рога. В присутствии яда рог «потел». Чуть? Конечно же чуть. Реклама, батеньки, двигатель торговли; она и в средние века мозги людям пудрила. А еще я могу добавить, что в 1584 году царь Федор Иоаннович во время коронации держал посох, в который был вмонтирован почти метровой длины аликорн. Но я не понял, в чем смысл вашего вопроса. Если вы считаете, что рог в царском посохе принадлежал мифическому единорогу, то это заблуждение. Не было в средние века никакого сухопутного зверя с таким уникальным рогом. За исключением носорога. Но он не из этой пьесы.

– Зверя не было, а рог был, – фыркнула Дарья.

– Да, рог был. Прямой винтообразно закрученный рог, продававшийся в Средние века в Европе в качестве рога единорога (и явно послуживший моделью для этой детали на многих гравюрах), на самом деле чаще всего представлял собой бивень нарвала – зубатого кита, широко распространенного в полярных морях. Длиной он был до четырех метров. Большинство из дошедших до нас средневековых аликорнов, вне всякого сомнения, рога нарвала. Посохи с рогом нарвала до сих пор хранятся в сокровищницах европейских королевских домов, а также в соборах Милана, Венеции, Парижа, Мальты, Лондона. Всей Европе да и на Восток их поставляли скандинавские рыбаки, обнаружившие нарвала у берегов Гренландии. Им удалось сохранять свой прибыльный секрет на протяжении последующих 400 лет, потому что нарвалы редко мигрируют к югу. Остальные аликорны – это искусные подделки. Их часто изготавливали из слоновой кости; известны случаи, когда для этой цели выпрямляли клыки слонов и моржей. Знаменитый путешественник XVI века Андре Теве наблюдал этот процесс на острове в Красном море, откуда поддельные рога экспортировались во все концы света.

– Тут я с вами согласна. Подделок было много. В том числе и единороговый посох, купленный у немецкого купца Крамера в 1654 году. Мало того, что рог оказался фальшивым, так он еще был и отравленный.

– Возможно.

– Не возможно, а точно!

– Откуда у вас такая уверенность?

---

⁶⁰ Териак – древнее мнимое противоядие и исцеляющее снадобье; состав из множества ядовитых средств.

⁶¹ Безоар – камни, образующиеся в желудке человека или животного вследствие попадания в него с пищей компонентов, которые не перевариваются, а накапливаются. Древние приписывали Б. чудесные целебные свойства. Существует мнение, что это слово происходит от арабского badzar (предохраняющий против яда) или от халдейского «бел» (владыка) и «заар» (яд). Камень обладает способностью интенсивно поглощать соединения мышьяка, а потому считался сильным противоядием и высоко ценился князьями.

⁶² Креденец – происходит от латинского «credere» (доверять).

– Судите сами. Явные признаки болезни Ивана Грозного появились 2 февраля 1564 года, сразу после покупки рога. Это зафиксировано в летописях. В тот же день он объявил о введении в стране опричнины. С этого момента на Руси начинается эпоха кровавого террора. Царь лично принимал участие в пытках, вел себя несообразно царскому титулу, в том числе плясал со скоморохами на пирах. За годы опричнины Иван Грозный загубил около 4000 душ, их имена внесены в поминальный Синодик...

– На фоне кровавых дел, что творили английские монархи того времени, – перебил девушку Глеб, – наш Иоанн Васильевич просто душка. Сравним его, например, с современником, королем Англии Генрихом VIII. Генрих был женат шесть раз, Грозный – восемь, оба казнили некоторых из своих жен, оба превзошли предшественников в массовом терроре, оба управлялись с высшими сановниками своих церквей (разница лишь в том, что Генриху удалось отобрать у церкви ее земли, – для этого он пошел на все, вплоть до учреждения собственной церкви, а Иван, добивавшийся того же, отступился). Но! – Глеб поднял указательный палец вверх. – За время своего правления Генрих истребил тысячи аристократов в целях получения пастбищ для овец, а значит, шерсти для мануфактур. Законом об огораживаниях лишил земли и средств к пропитанию сотни тысяч крестьян, а законом о бродяжничестве поставил их вне закона. В результате на ветках деревьев (не на виселицах, потому что решения принимали своеобразные полевые «тройки особого совещания») повесили, по разным оценкам, от 70 до 100 тысяч «бродяг». Испанский король Филипп II вырезал половину Нидерландов и Фландрию – малую родину своего папы Карла. Семейство Валуа-Медичи в одну Варфоломеевскую ночь пустило под нож 30 тысяч гугенотов; а это ведь французы – «культурные» люди. В Швеции такой же бардак – король-маньяк Эрик XIV официально носит прозвище Эрик-Сумасшедший. Он казнил в 1520 году в Стокгольме 94 сенаторов и епископа. У Стефана Батория сестра Алжбета – «кровавая графиня»; в крови девственников купалась. 610 невинных девичьих душ на тот свет отправила. Католический кардинал Ипполит д'Эсте приказал в своем присутствии вырвать глаза родному брату Джулио. Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8 тысяч и в Гарлеме 20 тысяч человек. В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 года казнили более 100 тысяч человек. Хагенбах, правитель Эльзаса, устроил праздник, на котором приглашенные мужчины должны были узнать своих жен, раздетых донага и с лицами, закрытыми вуалью. Тех, кто ошибался, сбрасывали с высокой лестницы. Ну и кто они после всего этого, «великие демократы и цивилизаторы»? Русский царь считается извергом, так как загубил 4000 невинных душ (потом, кстати, покался), а английский король прославляется как благодетель Англии, потому что заложил основы промышленной революции. И никакого раскаяния о содеянном. Подумаешь, угробил 100 тысяч подданных ради великой цели...

Глеб достал сигареты и закурил.

– В средневековой «доброй» Англии людей вешали за самые мелкие кражи, причем в больших количествах... – Заметив, что девушка поморщилась от запаха сигаретного дыма, Глеб включил вытяжную вентиляцию. – Только в лондонском районе Тайберн (место казни для простолудинов) в царствование Эдуарда VI (он правил с 1537 по 1543 год) ежегодно в среднем казнили 560 человек. И это был не самый кровожадный английский король! За дисциплинарные проступки в войсках и на флоте вешали на рее; за фальшивомонетничество варили в кипятке или в масле (вплоть до XVII века). Кроме того, применялись уродования вроде урезания носа, ушей, языка. В целом по приговору суда смертью карались 123 состава преступлений. Например, вам известно, за что могли казнить в Англии XVIII века? Нет? Внимайте: за охоту на оленя, за кражу кроликов, за незаконную вырубку деревьев на улице или в саду, за поджог стогов сена, за стрельбу по людям, за вымогательство, за помощь при побеге заключенного, за ложную присягу для получения пенсии моряка, за повреждение мостов на Темзе, за подделку записей в приходских книгах, за использование маскировки при грабеже (а именно – за вымазывание лица сажей), за пребывание в течение месяца с цыганами... Как вам статьи? И

это еще не все. (Кстати, уголовная ответственность наступала с 7 лет, чего в «варварской» Руси никогда не было.) В Лондоне в 1814 году в один день казнили 5 детей в возрасте от 7 до 14 лет. В 1833 году казнили девятилетнего мальчика за кражу краски стоимостью 2 пенса. И это XIX век! Что тогда говорить о временах Ивана Грозного. Между прочим, женщин в Англии казнили не путем четвертования, как мужчин, а сжигали по причине «деликатности пола, которая не позволяет публично терзать их тела». Какие милостивцы! И если при Генрихе VIII сжигали обязательно живьем, то при Марии I иногда не отказывали казнимым в просьбе повесить им на шею сумку с порохом – для ускорения смерти от взрыва. В более поздние, совсем уж «цивилизованные» времена перед сожжением казнимого душили.

– Извините, но я говорю о другом. Вы дослушайте. Имена поминаемых в Синодике расположены в хронологическом порядке. Количество жертв постепенно увеличивается с января 1564 года, достигая пика в августе 1570 года, а затем резко снижается и полностью прекращается в ноябре 1575 года. Сокращение вспышек жестокости, которые явно наблюдаются с сентября 1570 года, скорее всего связано с успешным лечением, которое провел прибывший из Англии в начале осени того же года доктор Бомелиус, бельгиец по происхождению. Но русские и иностранные источники называют Элезиуса Бомелиуса злым колдуном и шарлатаном, жалким неучем, который покинул Англию, чтобы избежать тюремного заключения и выплаты огромных долгов. Так что очень сомнительно, что излечение Ивана Грозного – это его заслуга.

– Здоровье царя – дело государственной важности, – парировал Глеб. – На должность царского лекаря мог претендовать только доктор с университетским образованием, подтвержденным соответствующими документами, а также рекомендациями правительства той державы, которая отпускала врача. Отбор кандидатур был строгим и придирчивым. Следовательно, Бомелиус предоставил выправленные по всем правилам документы и рекомендации. Судя по всему, Бомелиус оказался действительно прекрасным врачом. Да, царя пытались отравить, это несомненно. Однако лечение, которое проводил Бомелиус, не только помогло стабилизировать психическое состояние Ивана Грозного, но также вернуть волосной покров, восстановить зубы и омолодить весь организм. Некоторые летописи свидетельствуют, что до сорока лет царь имел молочные зубы. А сорок лет ему исполнилось в 1570 году. Любопытно, что именно в 1570 году завершилось использование символа единорога на государственных печатях. Царские посохи утратили статус регалий первой степени, их заменил скипетр. Государь отныне выходил с единороговым посохом только в соборную церковь и на Иордань.

– Так ведь и я об этом! Но только я считаю, что здесь не в одном Бомелиусе дело. Видимо, к 1570 году царь решил, что аликорн не оправдывает возложенных на него надежд – предохранять его от яда.

– И тем не менее, продолжал выходить к народу с единороговым посохом.

– Но очень редко! Что и сказалось на улучшении его здоровья.

– Окончательное выздоровление Ивана Грозного произошло в начале ноября 1575 года, когда на великокняжеском престоле появляется загадочная фигура Симеона Бекбулатовича. Историки до сих пор пребывают в состоянии недоумения: зачем государь вместо себя посадил в Кремле крещеного татарского хана, одел его в царские одежды, дал в руки регалии, а сам поселился на Петровке с самыми близкими и верными ему слугами и смиренно именовал себя князем Московским? Одна из версий гласит, будто Иоанн Васильевич посадил его вместо себя, потому что волхвы предсказали ему смерть на троне. А по-моему, ответ простой: это был остроумный способ обезопасить царя от отравления и определить, каким образом он систематически получал дозу ядовитых веществ. И подсказал ему этот трюк, видимо, Бомелиус. Как бывший мусульманин, Симеон Бекбулатович по привычке не ел свинину, не пил спиртных напитков и пять раз в день омывал руки. Ровно через год, в ноябре 1576 года, Симеон сложил с себя царские полномочия и получил во владение земли Тверского удела. С тех пор Иван Грозный следовал привычкам крещеного татарина. Омывая ладони, царь смыл отраву.

Наверное, вещи, к которым он прикасался, смазывали какой-то гадостью. С той поры вспышки неукротимой ярости и периоды неадекватного поведения почти прекратились, однако царь так и не догадался, что именно несло в себе опасность.

– Я думаю, что прозрение наступило 9 ноября 1581 года, когда государь нанес основанием единорогового посоха рану царевичу Ивану, – уверенно сказала девушка. – Прометавшись в горячке десять дней, царевич скончался. В ходе исследования его останков обнаружено, что содержание мышьяка в 32 раза превышает норму. Причиной смерти царевича, несомненно, стал яд, нанесенный на рукоятку посоха и проникший в организм через небольшую царапину на лице.

– Возможно, да, а возможно, нет. Все это гадание на жидком киселе. Есть косвенные сведения, что никакого удара посохом, тем более отравленным, не было. Царевича просто отравили. Кто? – это вопрос.

– Не буду спорить. Но Иоанн Васильевич решил, что спасти сына может только другой, настоящий аликорн. Тому есть подтверждения. Как писал сэр Джером Горсей⁶³, царский посох, сделанный из рога единорога с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, был приобретен Иваном Грозным у аугсбургских купцов именно в 1581-м, в год смерти царевича, за совершенно фантастическую сумму в 70 000 серебряных рублей. Однако даже волшебная сила аликорна уже не смогла вернуть к жизни сына Ивана Грозного.

– Чудес в этом мире не бывает... – буркнул немного раздосадованный Глеб, который никак не мог понять, куда клонит его гостья; создавалось впечатление, что она пришла к нему не на консультацию, а чтобы показать свою эрудицию. – Большие деньги царь заплатил за срочность, а не за качество. Он хотел любыми средствами вытащить больного сына с того света. Вспомните наших врачей-вымогателей. Последнюю шкуру с родных больного сдерут, даже если пациент безнадежен и лекарства уже нужны ему как мертвому припарки. А что поделаешь, приходится платить, сколько скажут. Здоровье родного человека дороже всего на свете. Что касается баек о чудесных свойствах мифического аликорна, то я им не верю. Это сказки.

– Да ну! Момент...

Девушка полезла в белую дамскую сумочку, с которой пришла (бумаги, лежавшие в пакете, она уже куда-то пристроила), и достала оттуда простую деревянную шкатулку. Однако внутри она была обита красным бархатом, на котором лежал срез изрядно пожелтевшего от времени рога. Пластина была толщиной не более пяти миллиметров.

Глеба удивил ее цвет: наружный слой костного вещества был черного цвета, а сердцевина – алого. Между ними шли кольца, как на срезе дерева – от угольно-черной до светло-серой окраски, которая ближе к центру постепенно приобретала розоватый оттенок.

– Что это? – спросил он.

– То, что, по вашему мнению, не существует в природе! – торжествующе изрекла Дарья. – Это кусочек аликорна.

Глеб весело рассмеялся.

– Надеюсь, вы не собираетесь толкнуть мне по сходной цене этот ваш «раритет», – сказал он, продолжая смеяться. – У меня нет такой суммы, чтобы расплатиться за столь «ценный» экземпляр.

– Ничего я не намерена продавать. Это во-первых. А во-вторых, зря вы смеетесь. Я могла бы побиться об заклад, что перед вами и впрямь аликорн. Но это будет нечестно. Ведь, как говорится, из двух спорщиков один – тот, кто не понимает, о чем идет речь, – дурак, а вто-

---

⁶³ Джером Горсей (1550–1626) – английский дворянин, дипломат XVI–XVII вв. В 1573–1591 гг. жил в России (с перерывами), управлял конторой Московской компании. В 1580 г. доставил в Россию порох, медь и другие припасы, необходимые для ведения Ливонской войны. В 1603-м получил рыцарское звание. Между 1592 и 1620 гг. был членом парламента. Автор трех сочинений мемуарного характера, содержащих ценные сведения по истории России.

рой, хорошо ознакомленный с предметом спора, – подлец. Мне не хочется примерять на себя одежды подлеца.

– Понял. Спасибо, что пощадили мое самолюбие. Но я требую доказательств.

– Это не вопрос. У вас есть дома какой-нибудь яд в жидком виде?

– Кроме водки, ничего, – пошутил Глеб. – И потом, я не женат, тещи у меня нет, так что травить некого.

Девушка улыбнулась и сказала:

– И все же, подумайте.

– Ну разве что средство для чистки унитазов. Это, конечно, не смертельный яд, но пить его точно не рекомендуется.

– Налейте эту жидкость в два стакана. На треть.

– Бу сделано...

Спустя несколько минут Глеб принес стаканы с зеленоватой жидкостью.

– А зачем вам нужно два стакана? – спросил он с недоумением.

– Для чистоты эксперимента, – ответила Дарина-Дарья. – Это слоновая кость? – Она взяла со стола крохотную резную фигурку буддистского божка.

– Да. Конец девятнадцатого века.

– Вам сильно его жалко?

– Чтобы потрафить вам, я готов, как тот сказочный Иван-дурак, прыгнуть в котел с кипящим молоком.

– Вам это не требуется, – кокетливо ответила Дарья. – У вас и так все вэри гуд.

– Эх, жаль, что я не записываю наш разговор! Было бы что на пенсии слушать и вспоминать, пуская слезы умиления.

Дарина-Дарья рассмеялась зовущим грудным смехом, но тут же ее лицо приобрело серьезное выражение.

– Тогда смотрите, – сказала она.

И девушка бросила божка в один стакан, а срез рога – в другой.

Глеб глазам своим не поверил. Жидкость в стакане с кусочком рога вдруг забурлила, вспенилась, перехлестнула через край... Бурная реакция длилась минуты две. Затем все утихло, лишь стакан стал теплым. Что касается нетцке⁶⁴, то божок мирно блаженствовал на дне стакана – наверное, решил, что купается в озере с зеленой водой.

– Можете даже попробовать на вкус, – сказала Дарья. – Цвет жидкости, конечно, не изменился, но это уже не ядовитое средство для чистки унитазов, а подкрашенная вода, которую можно пить.

– Нет уж, спасибо, пробовать я не буду. Но вы почти убедили меня. Можно, я рассмотрю этот срез поближе?

– Пожалуйста.

Тихомиров-младший взял сильную лупу и какое-то время внимательно разглядывал кусочек рога с необычайными свойствами. Пока Глеб смотрел, в его душу начали вползать сомнения: а что, если это просто трюк, коих немало в репертуаре иллюзионистов, и не только профессиональных? Но зачем нужно этой девице вешать ему лапшу на уши?

Дарина-Дарья утверждает, что не собирается продавать срез. Так ли это? Трудно сказать... Возможно, она всего лишь набивает цену. Если это соответствует действительности, то свою партию девица ведет блистательно. Глеб и сам не раз устраивал подобные «спектакли». В мире так много легковых богачей, любителей древностей, а раритетов так мало...

И все же Глеб очень сомневался, что у девушки возникла бредовая идея обвести вокруг пальца специалиста по древностям. Разве что... Да, это может быть. Некоторые товарищи-гос-

---

⁶⁴ Нетцке – японская миниатюрная скульптура.

пода просто мечтают надурить эксперта. Глебу уже доводилось встречаться с такими экземплярами человеческой породы. Их хлебом не корми, а дай возможность прокричать на весь мир о своей «победе» над признанным авторитетом в мире древностей. Своего рода пиар-акция. Но часто и подстава со стороны коллег.

После такого облома кто обратится за консультацией к человеку, которого кинул, как младенца, какой-то примитивный шарлатан...

– Хорошо, – сказал Глеб, – допустим это и впрямь кусочек чудодейственного аликорна. (Что, впрочем, несколько отдаст мистикой; а в мистику я не верю.) Тогда напрашивается вопрос: зачем вы устроили эту демонстрацию? Я не спец по магии и оккультным наукам, не алхимик, не врач и даже не уфолог, который мог бы предположить неземное происхождение вашего раритета, так что проконсультировать вас насчет аликорна не в состоянии. Да, это НЕЧТО, напоминающее срез толстого рога, имеет НЕОБЫЧНЫЕ свойства. Не спорю. Но при современном развитии науки и техники, с помощью современных синтетических материалов и нанотехнологий, можно добиться эффектов и покруче, нежели бурление воды в стакане.

– Фома неверующий! – разозлилась девушка. – Вы еще не знаете всех свойств этого кусочка рога, а пытаетесь строить какие-то домыслы!

– Конечно, конечно... – Глеб саркастически покривился. – Согласен. Действительно, чего это я? От вашего «раритета» куры два раза на день начали нестись, надои увеличиваются – молока в магазинах стало хоть залейся, саранча кордоны России обходит стороной, а тараканы в городах все передохли. Вон, в газетах уже задаются вопросом: куда подевались домашние прусаки? Теперь все ясно – этому причиной стал ваш «чудодейственный» рог.

– Да ну вас!.. – Девушка с обидой отвернулась.

– Все, все не буду... Мир. Извините. С годами становлюсь брюзгой. А может, просто заработался в библиотеке. Не люблю я кабинетной работы, хоть тресни. Ладно, вернемся к нашим баранам. Чем все-таки я могу быть вам полезен?

– Вы много работали с архивными материалами по эпохе Ивана Грозного...

– Верно. Но это еще не значит, что я кладезь премудрости и могу ответить вам на любой вопрос касательно перипетий правления Иоанна Васильевича. Там много чего напутано, исправлено, переделано. Иногда так, что за тыном леса не видно. Сделали с него какого-то упыря, что не совсем соответствует истине.

– Меня моральный облик Ивана Грозного интересует меньше всего.

– Тогда что?

– Вам известно, что у Иоанна Васильевича было четыре посоха: один простой, из карельской березы, другой из индийского черного дерева, и еще два – с аликорнами?

Глеб улыбнулся и ответил:

– Думаю, что у царя-батюшки этих украшенных драгоценностями палок было не меньше десятка. Европейские государи были еще теми жмотами. Что дешевле: послать в качестве подарка царю «варварской» Московии мешок золотых соверенов⁶⁵, серебряную посуду, которой просто цены нет, или деревянный посох, пусть и черного дерева, по поверхности которого кое-где разбросаны камешки? То-то. Посох ценен сам по себе. Это знак огромного уважения и подтверждение власти того государя, которому он вручается.

– Пусть так. Но я хочу акцентировать ваше внимание на двух посохах с аликорнами. Вам нигде в архивных документах не встречалось упоминание о них?

– Увы... – Глеб развел руками.

– Ну хоть что-то. Вспомните... – Дарья смотрела на Глеба с мольбой.

---

⁶⁵ Соверен – английская золотая монета; впервые выпущена в 1489 г. во времена короля Генриха VII (1485–1509) достоинством 1 фунт стерлингов (20 шиллингов). Содержание золота – 15,47 г, диаметр – 39,5 мм. Золотой С. чеканился до 1553 г. Позже, во времена королевы Елизаветы (1558–1603), монета в 20 шиллингов называлась фунт, а название С. получила крупная золотая монета достоинством 30 шиллингов.

«Эк ее проняло... – подумал он с сарказмом. – Неужто она хочет отыскать посох Ивана Грозного? Ой, тетенька, не смешите меня, иначе родимчик приключится... – Тут он вспомнил о карте в конверте и его мысли потекли по иному руслу: – А что, если и впрямь?.. Начинаящим и дилетантам в нашем деле иногда здорово везет. Стоп! Осади, паря. Тоже мне... кандидат околосвященных наук. Уши развесил и слушает, что поет ему сирена. Искать аликорн Иоанна Васильевича, это все равно, что отправиться на поиски избушки на курьих ножках».

– Я могу вам рассказать лишь о тех фактах, которые мне известны. Все верно – у Ивана Грозного было два аликорна. Но уже его сменщик на российском троне царь Федор Иоаннович (между прочим, слабая, ничтожная личность) прикупил себе новый посох с аликорном. Спрашивается в задаче: а где наследство батюшки? Ответа нет. И в сохранившихся описях Казенного Приказа⁶⁶ того времени (правда, они недостаточно полные) упоминание о посохах Иоанна Васильевича отсутствует. Исчезли напрочь. Испарились.

---

⁶⁶ Казенный Приказ, Казенный Двор – дворцовое учреждение в 1512–1700 гг. Ведал хранением ценностей царской вещевой казны, а также ремесленниками, которые ее изготовляли, вел торговые операции для царских нужд. Соединен с приказом Большого дворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.